

НИЛ

Ш
У
С
Т
Е
Р
М
А
Н

18+

Бездрушные

[БЕГЛЕЦЫ]

Беглецы

Нил Шустерман

Бездушные

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шустерман Н.

Бездушные / Н. Шустерман — «Издательство АСТ»,
2013 — (Беглецы)

ISBN 978-5-17-115321-2

После событий на Кладбище Коннор и Лев опять в бегах. Но на этот раз они не просто стараются не попасть в руки властей. Их цель – найти Соню, ту, что помогла сотням беглецов избежать страшной участи. А еще много лет назад она была женой ученого, создавшего саму технологию разборки. В это время первый в истории человек, составленный из частей других людей, Камю Компри, пытается завоевать любовь Рисы. Но для начала ему предстоит разобраться с таинственной организацией «Граждане за прогресс»...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-115321-2

© Шустерман Н., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Благодарности	6
Часть первая	7
Рейншильды	8
1. Коннор	10
2. Клаппер	22
3. Кам	25
4 . Ночной продавец	31
5. Лев	34
6. Коннор	39
7. Грейс	43
8. Коннор	45
9. Лев	47
10. Коннор	49
11. Охранник	53
Часть вторая	56
Рейншильды	58
12. Риса	61
13. Кам	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Нил Шустерман

Бездушные

Джес, Эрику и Робби, Киту и Терезе, Крису, Патриции, Марсии, Андреа, Марку и всем моим друзьям, оказавшихся рядом в минуту, когда я нуждался в них больше всего.

Благодарности

Эту книгу можно сравнить с Камю Компри – ей, как и другим книгам и сюжетам цикла, дали жизнь многие люди. Прежде всего я хочу поблагодарить моего редактора Дэвида Гэйла, ассоциированного редактора Наву Вулф и издателя Джастина Чанда за их поддержку, а также за то, что разрешили мне сначала превратить дилогию в трилогию, а теперь и в состоящую из четырёх книг «дистологию»¹. Множество благодарностей всем в издательстве Simon & Schuster, включая Джона Андерсона, Анну Зафьян, Пола Крайтона, Лидию Флинн, Мишель Фадлалла, Ванессу Карсон, Катрину Грувер и Чаву Воулин. Огромное спасибо Хлое Фолья, создательнице необычайно жуткой обложки!

Хотел бы сказать спасибо всем, кто поддержал меня в этом насыщенном событиями году, особенно моим детям: Брендану, Джарроду, Джоэль и Эрин, их маме Элейн Джонс, моей «старшей сестре» Патрисии Макфолл, моей ассистентке Марсии Бланко и моему хорошему другу Кристин Наташе Гитхалс.

Спасибо чудесным людям, помогающим в развитии моей писательской карьеры: моему агенту Андреа Браун, агентам по индустрии развлечений Стиву Фишеру и Дебби Дьюбл-Хилл, менеджеру Тревору Энгельсону и адвокатам Шепу Роузману и Ли Розенбауму.

Я в неоплатном долгу перед Марком Бернаду, Кэтрин Киммел, Джулианом Стоуном, Шарлоттой Стаут и Фабером Дьюаром, чьи неустанные усилия и вера в мою работу привели к заключению договора на создание фильма для всего цикла книг; чего также не могло бы произойти без представителей Constantin Films Роберта Калцера и Марго Кюванс и их страстной любви к этим книгам.

Благодарность Мишель Ноулден за её сотрудничество при работе над новеллой «Оборванные струны» и в примыкающих к циклу рассказах, которые ещё готовятся увидеть свет. Благодарю Мэтью Диркера и Венди Дойл за их заботу о моём вебсайте; Симону Пауэлл, Тайлера Хольтцмана, Анни Уилсон, Миару Макнитт. Мэтью Сетцекорна и Натали Сомморс, начавших в качестве «фанов», а теперь администрирующих страницы в Фейсбуке и Твиттере, посвящённые циклу и его персонажам!

Спасибо² Людовике Фьортенде, Мишель и Арти Шайкевичу за перевод русских фраз, а также Стефани Сандре Браун за её экспертизу в португальском.

И наконец, я в неоплатном долгу благодарности перед учителям и библиотекарями, доносящими эти книги до детей и взрослых, а также у читателей и почитателей. Народная молва – это самый большой знак признательности!

¹ Не путать с гистологией – там совсем про другое, хоть, в общем-то, вроде бы и имеющее некоторое отношение к теме цикла. (Здесь и дальше прим. перев.)

² Это слово написано у автора по-русски.

Часть первая Нелетающие

«Осмелюсь утверждать, что новая медицинская технология скорее освободит нас, чем поработит; ибо я убеждён, что человеческое сострадание превосходит человеческую же алчность. С верой в это я и учредил общество «Граждане за прогресс», которое должно стать на страже этических принципов нейропрививки.

Я не сомневаюсь, что злоупотребление этими принципами будет исключением, а не правилом».

– ДЖЕНСОН РЕЙНШИЛЬД

«Я стал самой смертью, разрушителем миров».

– ДЖ. РОБЕРТ ОППЕНГЕЙМЕР

Рейншильды

– Они подписали его. Хартландская война закончена.

Джонсон Рейншильд закрывает входную дверь, бросает пальто на диван и обессиленно падает в кресло, словно части его тела потеряли связь между собой. Как будто что-то разобрало его изнутри.

– Шутить? – отзывается Соня. – Никто в здравом уме не подпишет это ужасное «Соглашение о разборке»!

Он с горечью смотрит на неё. Эта горечь направлена не на жену, но ему больше не на кого её обратить.

– Ты можешь назвать мне хотя бы одного человека, который бы в последние девять лет оставался в здравом уме? – спрашивает он.

Соня присаживается на подлокотник дивана, поближе к мужу, и берёт его за руку. Он с отчаянием хватается за её пальцы, как будто они – единственное, что удерживает его от падения в пропасть.

– Новый председатель «Граждан за прогресс», этот нарцисс, этот хорёк Дандрих, позвонил мне до официального объявления и поставил перед фактом, что соглашение подписано. Сказал, мол, «из уважения» ко мне он посчитал нужным дать мне знать первому из всех. Но ты знаешь так же хорошо, как и я, что он просто издевался!

– Бессмысленно мучить себя, Джонсон. Это не твоя вина, и ты ничего не в состоянии с этим поделать.

Он забирает у неё свою руку и гневно смотрит на жену.

– Ты права – это не моя вина. Это наша с тобой вина. Мы сделали это вместе, Соня, – ты и я.

Она реагирует на эти слова так, будто получила пощёчину. Не просто отворачивается от него, а встаёт и отходит подальше, а потом начинает мерять комнату шагами. «Вот и хорошо, – думает Джонсон. – Пусть почувствует хотя бы крошечную часть того, что чувствую я!»

– Я ничего плохого не совершала! – упрямится Соня. – И ты тоже!

– Мы сделали это возможным! Разборка основана на нашей технологии! На наших исследованиях!

– Которые у нас украли!

Джонсон вскакивает на ноги, не в силах больше сидеть ни единой секунды. Он чувствует, что если останется в кресле, это будет равносильно признанию поражения. Дальше всё покажется по наклонной. Он представляет себе, как горбится в этом кресле с бокалом в руке, помещивает лёд, вслушивается в его позвякивание, ощущает, как алкоголь притупляет сознание... Нет, этого они от Джонсона Рейншильда не дождутся! Он никогда не сдастся!

С улицы доносятся вопли. Джонсон выглядывает в окно гостиной – поселковые ребята устроили разборку. «Дикари» – таким имечком наградили уличных подростков в СМИ. Неуправляемые подростки. «Необходимо что-то делать с этими порождениями войны – с неуправляемыми подростками», – блеют политики со своих высоких трибун в законодательных собраниях. А чего они, собственно, ожидали?! Средства, предназначенные для воспитания подрастающего поколения, ушли на войну. Неужто политиканы не подозревали, что это смертный приговор системе образования? Без школ, без работы, зато с избытком свободного времени – куда этим детям податься? Ясное дело – на улицу, дебоширить.

Хулиганы – их всего-то человека четыре-пять – проходят мимо, не причинив жилищу Рейншильдов вреда. Странное дело – их дом никогда не трогают, хотя он единственный на улице, у которого нет ни решёток на окнах, ни усиленных ворот. Хотя с другой стороны,

железные ворота только провоцируют «дикарей» на акты вандализма – их здесь случилось уже несколько. Эти ребята вовсе не дураки, несмотря на недостаток воспитания и образования, неудивительного при отсутствии школ; они просто видят: всё вокруг свидетельствует о недоверии к ним, и это разжигает их злобу ещё больше. Их насилие кричит: «Как ты смеешь не доверять мне?! Ты же меня не знаешь!» Но люди слишком погрязли в страхе, они заботятся только о собственной безопасности и не слышат голосов детей.

Соня подходит к мужу сзади, обнимает. Ему хочется забыться в её объятии, но он не может себе этого позволить. Не найти ему ни покоя, ни утешения, пока он не устранил ужасные последствия своих открытий.

– Может быть, – предполагает Соня, – получится как во времена «холодной войны»?

– Ты о чём?

– У них есть новое, мощное оружие – разборка, – поясняет она. – Может статься, что будет достаточно одной только угрозы. Может, его никогда не применят на деле...

– Холодная война подразумевает равновесие сил. А что эти дети смогут противопоставить властям, если те начнут их разбирать?

Соня вздыхает, поняв наконец, что он имеет в виду.

– Ничего. У них не будет ни единого шанса.

Вот теперь он согласен принять от неё утешение – она его поняла. Теперь не только он один видит мрачный омут, куда может затянуть всё общество вновь принятый закон.

– Но пока ведь ничего не случилось, – говорит жена. – Ни один из «дикарей» не подвергся разборке.

– Пока, – соглашается Джонсон. – Потому что закон вступает в силу в полночь.

И тогда они решают провести остаток вечера вместе, не разжимая объятий, как будто это последняя ночь накануне гибели цивилизации. Потому что так оно, собственно, и есть.

1. Коннор

Всё началось с происшествия на дороге, настолько неожиданного и нелепого, что просто уму непостижимо, как оно могло повлечь за собой такие значительные последствия.

Эх, надо было бы Коннору всё-таки съехать с трассы и поспать, особенно в такую ветреную ночь, как сегодняшняя! Наверняка его водительские рефлексy наутро стали бы острее. Но жгучая потребность как можно скорее добраться до Огайо толкала его вперёд всё настойчивее с каждым днём.

«Сверну на следующем съезде...» – твердит он себе. И хотя Коннор поклялся, что остановится, как только они пересекут границу Канзаса, табличка с названием штата осталась позади уже полчаса назад, а они всё едут. И некому вправить Коннору мозги – Лев, неплохо умеющий это делать, крепко спит рядом на пассажирском сиденье.

В половине первого ночи прямо перед машиной Коннора на дорогу выпрыгивает некое злосчастное создание. Успев лишь мельком увидеть странную фигуру, парень рывком выкручивает руль в безнадёжной попытке избежать столкновения.

«Неужто это?.. Не может быть...»

И хотя автомобиль описывает широкий круг, глупая тварь бросается обратно под колёса, как будто решила во что бы то ни стало покончить с собой.

Их «взятый взаймы» «чарджер» врежется в непонятное существо, и оно, перекатившись через капот, словно булыжник, разносит ветровое стекло на миллион мелких осколков. Тело жертвы с вонзившимися в длинную худую шею искорёженными «дворниками» застревает в раме ветровика. Коннор теряет контроль над управлением, машина слетает с асфальта и мчится по обочине, сминая придорожный чапараль.

Коннор кричит и сыплет ругательствами – сбитое существо, всё ещё цепляющееся за жизнь, рвёт когтями его грудь. Наконец Коннор приходит в себя и бьёт по тормозам. Отвратительную тварь по инерции сбрасывает с капота, и она пушечным снарядом уносится в темноту. Машина кренится, словно тонущее судно, и, свалившись в кювет, замирает; только теперь вылетают подушки безопасности – словно запоздалые парашюты, раскрывшиеся в момент столкновения с землёй...

Дальше следует тишина, подобная молчанию космического пространства, если не считать одного-единственного звука – бездушного воя ветра.

Лев, проснувшийся в тот момент, когда автомобиль ударил непонятное существо, не произносит ни слова. Он лишь судорожно пытается вдохнуть широко открытым ртом – подушка безопасности ударила его так, что выбила воздух из лёгких. Коннор уже знает, что Лев в минуты опасности ведёт себя как опоссум – он не кричит, он замирает.

Коннор, всё ещё пытаясь осмыслить, что же произошло в предыдущие несколько секунд, изучает рану у себя на груди. Под разорванной рубашкой зияет глубокий диагональный разрез длиной дюймов шесть. Как ни странно, Коннор чувствует облегчение. Опасности для жизни нет, разорвано только мясо, а с такими ранами управиться легко – зашил и всё. Как сказала бы Риса в бытность свою заведующей лазаретом на самолётном кладбище: «Швы – это наименьшее из зол». На эту рану понадобится около дюжины стежков. Самая большая проблема в том, что беглецу, к тому же ещё, по всеобщему убеждению, мёртвому, нигде не найти врачебной помощи.

Ребята вылезают из машины и поднимаются по откосу – посмотреть, что же они такое сбили. Ноги Коннора дрожат и подламываются, но он не желает даже самому себе признаться в слабости, и потому приходит к заключению, что дрожит он из-за прилива адреналина. Бросает взгляд на руку – ту самую, с акулой – и несколько раз сжимает пальцы в кулак, словно перекачивая жестокую силу из краденой руки в остальной организм.

– Это что – страус? – спрашивает Лев, взглянув на огромную мёртвую птицу.

– Не видишь, что ли, – бросает Коннор, – это дебильный Скороход³.

Собственно, именно эта совершенно иррациональная мысль и пришла ему на ум, когда перед ним в лучах фар замаячила гигантская птица. Страус, ещё минуту назад вполне себе живой (вон как подрал его, Коннора!) , теперь лежит, мертвее не придумаешь. Длинная шея вывернута под невозможным углом, остекленевшие глаза пялятся в пустоту с бессмысленной напряжённостью зомби.

– Да, неплохо вломила нам птичка, – говорит Лев. Похоже, он совсем пришёл в себя и теперь спокойно рассматривает жертву аварии – может потому, что это не он сидел за рулём, а может потому, что видел вещи куда страшнее убитого на дороге животного. Коннор завидует способности Льва сохранять самообладание в кризисных ситуациях.

– Какого чёрта страус делает на интерстейте? – восклицает Коннор. Ответ приходит вместе с порывом ветра, затрясшим металлическую ограду. В лучах едущего по встречной полосе автомобиля виден дуб – дерево повалило ветром, один из тяжёлых сучьев снёс с опор сеточный заборчик. За забором мелькают длинношеие тени; несколько страусов уже пробрались через брешь и собираются прогуляться по дороге. Остаётся пожелать, чтобы их не постигла печальная участь товарища.

Коннор слышал о страусовых фермах – поскольку цены на другое мясо заоблачные, то такие фермы стали весьма популярны – но видеть до сих пор не доводилось. В голове возникает дурацкая мысль: может, птица покончила с собой? Потому что лучше завершить свою жизнь на дороге, чем в чьём-то желудке.

– Ты знаешь, что они произошли от динозавров? – спрашивает Лев.

Коннор глубоко вдыхает, только в этот момент замечая, что, оказывается, почти не дышал – частично от боли, частично от потрясения. Показывает Леву ссадину:

– Как по мне, так они ими и остались. Эта тварь пыталась меня разобрать.

Лев морщится.

– Ты в порядке?

– Жить буду. – Коннор стаскивает свою ветровку, и Лев помогает туго закрутить её вокруг туловища наподобие импровизированного жгута.

Они оглядываются на свой автомобиль – такое впечатление, будто его стукнул тяжёлый грузовик, а не дурацкая нелетающая птица.

– М-да... – произносит Лев. – Хотя ты всё равно собирался бросить драндулет через день-два, так ведь?

– Бросить-то бросить, но не в придорожной же канаве...

Официантка в закусочной, добрая душа, отдала им свой автомобиль, сказав, что заявит об угоне не раньше, чем через несколько дней. Коннору остаётся лишь надеяться, что их спасительница будет довольна выплаченной страховкой.

По шоссе несутся машины. Разбитый автомобиль лежит далеко от дороги, и если специально не присматриваться, заметить его сложно. Но есть люди, у которых работа такая – специально присматриваться.

Какая-то машина проезжает мимо, затем притормаживает, разворачивается через травяную разделительную полосу. В лучах фар встречного автомобиля, становится видна её окраска – чёрно-белая. Это патрульный автомобиль дорожной полиции. Может, офицер заметил только страусов, а может, и самих ребят; как бы там ни было, особого выбора у наших друзей не остаётся.

– Бежим! – командует Коннор.

– Он нас увидит!

³ Скороход, или Дорожный бегун, – персонаж американских мультиков Loonie Tunes и др.

– Только если высветит прожектором. Бежим!

Патрульный останавливается на обочине, и Лев больше не возражает. Он разворачивается, чтобы бежать, но Коннор хватает его за руку:

– Не туда! Сюда!

– К страусам?

– А то куда же ещё!

Луч прожектора подбирается ближе к ним, но упирается в одну из птичек, направляющихся к шоссе. Коннор с Левом бросаются к пролому в ограде. Страусы в панике мельтешат вокруг, полицейский в растерянности, куда направить луч своего прожектора.

– В дырку? Ты рехнулся? – пыхтит Лев.

– Если мы побежим вдоль ограды, нас поймают. Мы должны исчезнуть. А сделать это мы можем только там!

Оба парня одновременно протискиваются через брешь в ограде, и вот опять, как и множество раз прежде, Коннор бежит наугад во мрак.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА

«В прошлом году я потеряла мужа, с которым прожила тридцать пять лет. Его убил грабитель, проникший в дом через окно. Муж попытался противостоять ему, и грабитель застрелил его. Я понимаю, что мужа не вернуть; однако сейчас обсуждается законопроект, согласно которому преступники должны будут платить высокую цену за свои деяния, воздавая плотью за плоть.

Легализуя разборку преступников, мы не только улучшаем условия жизни в переполненных тюрьмах – мы пополняем запасы жизненно необходимых трансплантатов. Вдобавок Закон о телесной компенсации предусматривает, что определённый процент от продажи органов пойдёт напрямую жертвам насилия и их семьям.

Голосуйте за Поправку 73! Пока мы едины, раздробленным преступникам не победить!

– **Спонсор:**

Национальное сообщество жертв насилия в поддержку Закона о телесной компенсации.

Им нельзя оставаться на страусовой ферме. В усадьбе зажглись огни – наверняка хозяина проинформировали о творящемся на интересейте, и скоро вся округа будет кишеть работниками фермы и полицейскими, пытающимися собрать разбежавшихся пернатых.

Пройдя с полмили по грунтовке, друзья натываются на брошенный трейлер. Внутри топчан с матрасом, но таким заплесневелым, что ребята предпочитают спать на полу.

Несмотря на всё пережитое, Коннор засыпает в считанные минуты. Ему снятся Риса, которую он не видел уже много месяцев и, может быть, не увидит больше никогда, и бойня на кладбище самолётов. Операция властей превратила это место в пустыню. В сновидении Коннор пробует множество тактик, чтобы спасти от инспекторов сотни детей, находящихся

на его попечении. Все попытки кончаются провалом. Результат всё время один – детей либо убивают, либо складывают штабелями в грузовики и везут в заготовительные лагеря. Даже во сне Коннор понимает тщету своих усилий.

Когда он просыпается, уже утро. Льва нет. Грудь Коннора ноет при каждом вздохе. Он ослабляет жгут. Кровотечение остановилось, но рана красная и всё такая же воспалённая. Коннор снова затягивает свой импровизированный жгут – пока не найдёт что-нибудь более подходящее на замену окровавленной ветровке.

Льва он находит снаружи – тот обзревает окрестности. Да, тут есть на что посмотреть. Строение, которое они приняли в темноте за одинокий брошенный трейлер, возвышается посреди огромной свалки металлолома. Вокруг громоздятся ржавые автомобили, полуманнанные бытовые приборы, даже школьный автобус – такой старый, что непонятно, какого он, собственно, цвета, и без единого целого стекла.

– И ведь подумать только – какой-то бедолага здесь жил... – раздумывает вслух Лев.

Коннор окидывает взглядом свалку, и у него колет в груди. Уж больно знакомая картина.

– Я сам больше года жил на свалке самолётов, – напоминает он Леву. – Любой может оказаться в заднице.

– Ты жил на кладбище, а не на свалке, – поправляет Лев.

– Да какая разница!

– Кладбище – это благородная кончина. А здесь... просто помойка для железяк.

Коннор опускает глаза и пинает ржавую консервную банку.

– В нашей кончине на Кладбище не было ничего благородного.

– Может, хватит? – говорит Лев. – Сколько можно себя жалеть? Надоело.

Но жалость к себе тут ни при чём, и Лев наверняка прекрасно отдаёт себе в этом отчёт. Коннор скорбит по утраченным детям. Из семисот его подопечных более трёх десятков погибли, а около четырёхсот отправились в лагеря на разборку. Возможно, такую беду никому не было бы под силу предотвратить; но так вышло, что она стряслась во время службы Коннора, и теперь именно ему нести бремя вины за случившееся.

Коннор всматривается в Льва долгим взглядом. Тот, судя по виду, поглощён разглядыванием какого-то «кадиллака», лишённого колёс, капота и крыши. Машина до того заросла сорняками, что можно подумать, будто это какой-то авангардистский вазон.

– Знаешь, а это даже красиво, – произносит Лев. – Похоже на затонувший корабль, который постепенно становится частью кораллового рифа...

– И чего ты такой весь из себя жизнерадостный?

Лев отбрасывает со лба чересчур длинную белокурую чёлку и одаривает товарища нарочито бодрой улыбкой.

– А того, что мы с тобой живы и на свободе, – говорит он. – А может, оттого, что я собственноручно и без посторонней помощи спас твою задницу от пирата.

Теперь и Коннор не может не подколоть:

– Может, хватит? Сколько можно любоваться собой? Надоело.

Коннор понимает: он не вправе укорять Льва за приподнятое настроение. Ещё бы, его друг выполнил свою миссию с блеском: смело кинулся в гущу боя и не только вышел оттуда невредимый, но и спас Коннора от Нельсона – бывшего инспектора по делам несовершеннолетних, поклявшегося отомстить Беглецу из Акрона и продать его на чёрном рынке.

– После того, что ты сделал, – уведомляет Коннор Льва, – Нельсон захочет поиметь твою голову, насаженную на кол.

– И все прочие части тоже, я так думаю. Но сначала пусть попробует меня найти!

Только сейчас оптимизм Льва начинает передаваться Коннору. Да, положеньице у них не из приятных, но могло быть и хуже. «Живые и свободные» – это ой как много значит;

а кроме того, у них есть цель, есть место назначения. Там они найдут решающие ответы на свои вопросы. Осознание всех этих преимуществ добавляет друзьям надежды.

Коннор расправляет плечи, и потревоженная этим движением рана напоминает, что о ней необходимо позаботиться, причём как можно скорей. Вот угораздило же вдобавок ко всему! Если они сунутся в какую-нибудь клинику, им тут же начнут задавать неприятные вопросы. Лишь бы Коннору удалось сохранить рану в чистоте, пока они не доберутся до Огайо, а там Соня, он уверен, окажет всю возможную помощь.

Если она всё ещё в своей антикварной лавке.

Если она всё ещё жива.

– На последнем дорожном знаке, до того как мы сбили пташку, значилось, что впереди населённый пункт, – сообщает Коннор. – Я схожу туда, угоню машину и вернусь за тобой.

– Нет, – возражает Лев. – Я всю страну проехал, чтобы найти тебя. Даже не думай, я с тебя глаз не спущу!

– Да ты хуже любого инспектора!

– Две головы лучше, чем одна, – настаивает Лев.

– Да, но если один из нас попадётся, то другой сможет продолжить путь в Огайо. А вдвоём рискуем пойматься оба.

Лев открывает рот... и тут же закрывает его. С логикой Коннора не поспоришь.

– Не нравится мне всё это, – заявляет он.

– А мне, думаешь, нравится? Но другого выхода нет.

– И чем мне заниматься, пока ты будешь где-то там ходить?

Коннор криво усмехается:

– Попробуй стать частью рифа.

• • •

Идти довольно далеко, и расстояние кажется ещё больше, когда тебя терзает боль. Перед уходом Коннор нашёл в трейлере несколько относительно чистых простыней и запасец дешёвого виски – то что надо для дезинфекции раны. Мучительная процедура, но, как говорят спортивные тренеры во всём мире: «С болью из тела выходит слабость». Коннор всегда ненавидел тренеров. Как только жжение ослабело, он сделал себе новую, более надёжную повязку, которую спрятал под вылинявшей фланелевой рубашкой, тоже бывшей собственностью последнего хозяина трейлера. Жарковато для лета, но лучше ничего не нашлось.

И теперь, изнывая от жары и страдая от раны, Коннор отсчитывает шаги по грунтовке, пока не доходит асфальта. Мимо не проехал ни один автомобиль, но это хорошо. Чем меньше глаз видят его, тем лучше. Безопаснее.

Коннору неизвестно, что ждёт его в этом городишке. Большие города и их предместья, как выяснил Коннор, все на одно лицо, меняется только география. А вот с сельской местностью совсем иное дело. Есть городки, в которых тебе хотелось бы родиться или в которые ты желал бы вернуться: весёлая и приветливая одноэтажная Америка, излучающая уют, как тропический лес источает кислород. А есть такие, как Хартсдейл, штат Канзас.

Веселье и уют здесь давно умерли.

Коннору ясно как день: Хартсдейл в экономической депрессии, что само по себе не такое уж редкое явление. Для того чтобы городок испустил дух, в эти дни всего-то и нужно, чтобы главная фабрика – кормилица всей округи либо закрылась, либо подобрала юбки и упорхнула в края с дешёвой рабочей силой. Хартсдейл, однако, не просто в упадке; он уродлив изначально, словно таким и задумывался.

Главная улица представляет собой два ряда низких строений бездарной архитектуры, окрашенных в различные оттенки бежевого. И если по пути сюда Коннор видел немало про-

цветающих зелёных ферм, купающихся в лучах июльского солнца, то в центре городишки нет ни деревьев, ни газонов, не считая чахлой растительности, пробивающейся сквозь щели в асфальте. Доска приходских объявлений у невзрачной церкви, выстроенной из скучного тускло-жёлтого кирпича, вещает: «Кто лаёт и пьёт вои грехи? Б нго по пя ницам» .

Самое привлекательное здание городка – это новенький трёхэтажный гараж, но он закрыт. Причина, как сообразил Коннор, кроется в пустыре рядом. На торчащем здесь рекламном щите изображено современное офисное здание, которое когда-нибудь вырастет на этом месте и для которого, возможно, понадобится три парковочных уровня. Однако заброшенный вид пустыря ясно говорит, что офисный комплекс находится на стадии проектирования уже лет десять и так с этой стадии, по всей вероятности, и не сдвинется.

Городишко, впрочем, ещё не издох окончательно: на улицах Коннор видит довольно много людей, торопящихся по своим утренним делам – но его обуревают желание задать им вопрос: «Зачем вам всё это надо? Какой в этом смысл?» Беда посёлков вроде Хартсдейла в том, что всякий, у кого инстинкт самосохранения ещё не притупился окончательно, давно сбежал отсюда, осев в каком-нибудь другом местечке, которое, в отличие от Хартсдейла, ещё не потеряло души. Здесь же остались лишь те, кого можно сравнить с пригаром, намертво приклеившимся ко дну сковородки.

Коннор подходит к супермаркету. От асфальтированной парковки исходят мерцающие волны жара. Если он собирается угнать машину, то здесь есть из чего выбрать; вот только одна проблема: всё хорошо просматривается, враз попадёшься. К тому же, лучше найти долговременную стоянку – угнанного с неё автомобиля не хватятся ещё дня два-три. А если он уведёт машину с площадки около супермаркета, то не пройдёт и часа, как её объявят в розыск. Хотя стоп, кого он пытается обмануть? Долговременная стоянка означает, что у владельцев припаркованных там машин есть куда надолго уехать. Тогда как жителям Хартсдейла, похоже, ехать некуда. Конечная остановка.

Супермаркет неодолимо влечёт Коннора к себе – парень вдруг осознаёт, что двенадцать часов ничего не ел. В кармане завалялась двадцатка. Ну, ничего ж страшного в том, чтобы купить себе поесть, правда? В большом магазине можно оставаться неузнанным целых пять минут!

Автоматические створки скользят в стороны, и на Коннора накатывает поток холодного воздуха. Поначалу это освежает, а потом становится неприятно, потому что пропотевшая одежда прилипает к телу. Магазин ярко освещён, покупатели медленно бродят между стеллажами, пользуясь возможностью как можно дольше оставаться в прохладе.

Коннор берёт готовые сэндвичи и пару банок содовой – для себя и Льва – и направляется к автоматической кассе, где обнаруживает, что та не работает. Значит, контакта с людьми не избежать. Коннор выбирает кассира, у которого самый рассеянный и скучающий вид. Парень на год-два старше Коннора, тощий, с сальными чёрными волосами и жалким младенческим пушком над верхней губой вместо усов. Кассир проводит товары Коннора через сканер.

– Это всё? – дежурным тоном спрашивает он.

– Угу.

– Товары все в надлежащем состоянии?

– Да, всё в порядке.

Кассир скидывает нелюбопытный взгляд. Коннору кажется, что парень задерживает на нём глаза чуть-чуть дольше необходимого, но, возможно, здесь такая политика – начальство требует, чтобы персонал смотрел покупателям в глаза; это часть стандартного ритуала, как и дурацкие вопросы.

– Может, помочь донести до машины?

– Сам справлюсь.

– Как знаешь, братан. Смотри, поосторожней, снаружи топка.

Коннор без дальнейших затруднений выходит в раскалённый день. Он уже на середине стоянки, когда сзади вдруг раздаётся:

– Эй, подожди!

Коннор застывает, правая рука привычно сжимается в кулак. Однако, повернувшись, он видит давешнего кассира – тот идёт к нему, помахивая бумажником.

– Братан, ты бумажник забыл.

– Извини, – говорит Коннор, – не мой.

Кассир открывает бумажник, смотрит на водительское удостоверение.

– Уверен? Потому что...

Атака следует настолько неожиданно, что застаёт Коннора врасплох. У него нет ни малейшего шанса защититься, к тому же удар идёт низом. Пинок в пах, мгновенный шок, а затем нарастающая волна нестерпимой боли. Коннор размахивается, и рука Роланда не подводит – кулак попадает прямо кассиру в челюсть. Потом в ход идёт его родная рука, но боль к этому моменту так сильна, что удар получается вялым. Кассир уже у Коннора за спиной, захватывает его шею удушающим приёмом. Но Коннор не сдаётся. Он крупнее своего противника, сильнее его, однако кассир знает своё дело, и реакция Коннора запаздывает. Захват соперника блокирует его дыхательные пути и зажимает сонную артерию. В глазах Коннора темнеет, ещё немного – и он потеряет сознание. Одно хорошо – когда ты без сознания, то не ощущаешь жгучей боли в паху.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА

Раньше я не прочь был позубоскалить над клапперами, но недавно трое из них избрали своей целью мою школу и взорвали себя посреди переполненного коридора. Кто бы мог подумать, что такое простое движение – соединение ладоней – способно причинить столько горя? В тот день я потерял многих своих друзей.

Если ты думаешь, что клапперов нельзя остановить, ты не прав. Например, если ты заметил в своём районе подозрительных подростков, не медли, заяви в полицию, потому что статистика свидетельствует: большинство клапперов – молодые люди не старше двадцати. Обращай внимание на тех, кто одет слишком плотно, не по погоде, – террористы обычно стараются обезопасить себя от случайной детонации. Присмотрись к человеку, идущему слишком осторожно, как если бы каждый его шаг стал последним. Выступай в поддержку запрета на аплодисменты в общественных местах в твоём округе.

Вместе мы сможем положить конец террору клапперов. Наши руки против их рук!

– *Спонсор: общество «Руки врозь ради мира»*

Коннор приходит в себя в одно мгновение – сразу, без обычного тумана в мозгу. Зрение чётко, память тоже не подводит. Он знает, что подвергся нападению и что у него большие неприятности. Вопрос: насколько большие?

Рана в груди ноет, в голове словно молот стучит, но Коннор заталкивает мысли о боли куда-то в закоулок сознания и быстро начинает вбирать в себя информацию об окружающем. Так, стены из шлакоблоков. Земляной пол. Это хорошо: значит, он не в тюрьме и не в полиции. Скучный свет льётся из единственной голой лампочки над головой. И справа, и слева у стен громоздятся горы съестных припасов, стоят ящики с питьевой водой. Бетонные ступеньки ведут наверх, к люку. Ясно – он в подвале или бункере. Скорее всего, это штормовое убежище. Тогда понятно, почему здесь столько провианта.

Коннор пытается пошевелиться, но не может. Его руки привязаны к столбу за спиной.

– Долговато ты очухивался!

Коннор поворачивает голову и видит неопрятного кассира из супермаркета – тот сидит в тени у горы продуктов. Обнаружив, что пленник смотрит на него, он подвигается на свет.

– Этим приёмчиком я вырубаю народ на десять, максимум двадцать минут. А тебе понадобился почти целый час.

Коннор не произносит ни слова. Любой вопрос, любое высказывание равносильно признанию своей слабости. Этот лузер не дожждётся, чтобы Коннор добавил ему власти над собой сверх уже имеющейся.

– Если бы я подушил тебя ещё десять секунд, ты бы окочурился. Или получил бы мозговую травму. У тебя же всё в порядке с мозгами, правда?

Коннор по-прежнему молчит, пронзая противника ледяным взглядом.

– Я тебя сразу узнал, в ту же секунду, как увидел, – продолжает кассир. – Поговаривали, что Беглец из Акрона мёртв, но я-то знал, что это враки. Habeas corpus, говорю я. «Дайте мне его тело». А какое может быть тело, если ты жив!

У Коннора больше нет сил держать язык на привязи.

– Habeas corpus означает вовсе не это, ты, олух!⁴

Кассир хихикает, потом вытаскивает телефон и делает снимок. От вспышки молот в голове Коннора бухает ещё сильнее.

– Ты хотя бы понимаешь, как это всё клёво, Коннор?! Я буду называть тебя Коннор, ладно?

Коннор смотрит на свою грудь: рана перевязана настоящим бинтом и закреплена хирургическим пластырем. Ага, он видит повязку, значит, рубашки на нём нет.

– Ты куда мою рубашку дел?

– Снял, куда дел. Увидел кровь, надо было проверить, откуда она. Кто это тебя порезал? Инспектор? А ты его, небось, вообще уколошил, а?

– Ага, кранты ему, – подтверждает Коннор, надеясь, что его взгляд ясно говорит этому придурку: «Ты следующий».

– Эх, вот бы хоть одним глазком! – загорается кассир. – Ты же мой герой, ты это знаешь? – Глаза у него мутнеют, он погружается в воспоминания: – Беглец из Акрона разносит лагерь «Хэппи Джек» к чертям, убегая прямо из-под ножа! Беглец из Акрона транкирует инспектора из его же собственного пистолета! Беглец из Акрона превращает предназначенного в жертву в клаппера!

– Вот этого я не делал.

– Ну, может, и не делал, зато всё остальное-то делал! Этого достаточно!

Коннор думает о друге, который ждёт его на свалке, и у него начинает ныть сердце.

– Я следил за твоей карьерой, чувак, а потом они сказали, что ты умер, но я этому никогда не верил, ни одной секунды! Такого парня, как ты, так запросто не свалить!

⁴ Habeas corpus ((лат.) буквально «ты должен иметь тело», содержательно – «представь арестованного лично в суд») – понятие английского и американского права, согласно которому любой задержанный человек может потребовать доставить себя лично в суд вместе с доказательствами законности задержания.

– Никакая это не карьера, – отрезает Коннор. Ему отвратителен этот хмырь с его извращённым героическим культом. Однако хмырь как будто не слышит его.

– Ты же перевернул мир! Я тоже так мог бы, знаешь? Была бы возможность! И, может быть, опытный партнёр со знанием дела. Который не побоялся бы заесться с властями. Ты понимаешь, к чему я клоню, правда? Ну ещё бы, конечно, ты понимаешь, ты же голова! Я всегда знал, что если мы встретимся, то станем друзьями. Мы же родственные души и всё такое. – Тут он разражается смехом. – Беглец из Акрона у меня в штормовом подвале! Не-ет, это не случайно. Это перст судьбы, чувак! Перст судьбы!

– Ты двинул мне по яйцам. Это была твоя нога, а вовсе не перст судьбы.

– Ну да, ты того, извини. Но знаешь, мне же надо было что-то сделать, а то бы ты улизнул. Понимаю, это больно, но настоящего вреда ведь нет. Надеюсь, ты не будешь держать зла.

Коннор горько усмехается. Интересно, кто-нибудь видел, как на него напали? А если и видел, то им было наплевать, никто не попытался остановить драку.

– Друзей не привязывают к столбам в подвале, – указывает Коннор.

– Ну да, это тоже извини. – Однако хмырь не делает ни малейшей попытки освободить пленника. – Тут у нас загвоздка. Ты же понимаешь, да? Конечно, понимаешь. Если я тебя развяжу, ты скорей всего сразу же удерёшь. Сначала мне надо убедить тебя, что я – тот, кто тебе нужен. Что я парень приличный, хоть и двинул тебя, а потом привязал. Я докажу тебе, что такого друга, как я, в нашем свихнувшемся мире поискать, а это место – схрон что надо. Тебе больше не придётся никуда бежать. Понимаешь, в Хартсдейле никому ни до кого нет дела.

Хмырь встаёт и прохаживается по камерке, непрерывно жестикулируя. Глаза у него расширяются, словно он рассказывает страшилку на ночь. Он даже не смотрит на пленника, полностью погрузившись в свои фантазии. Коннор даёт ему выговориться: кто знает, глядишь, из этого словесного поноса и вынырнет какая-нибудь полезная информация.

– Я всё продумал, – продолжает кассир. – Мы выкрасим тебе волосы в чёрный цвет – будут, как у меня. Есть один чувак – по дешёвке впрыснет пигмент тебе в глаза, так что они тоже станут как мои, светло-карие. Постой, у тебя глаза немножко разные... но это ничего, мы их подправим, да? Потом расскажем соседям, что ты мой кузен из Вичиты; тут все в курсе, что у нас родственники в Вичите. С моей помощью ты исчезнешь с концами – никто не будет знать, что ты жив.

Мысль о том, чтобы сделаться хоть немного похожим на этого типа, так же неприятна Коннору, как пинок в пах. А что до того, чтобы остаться в Хартсдейле, то такое ему и в худшем кошмаре бы не приснилось. Однако несмотря на всё это, Коннор умудряется изобразить самую тёплую улыбку, на которую только способен:

– Ты сказал, что хочешь подружиться, а я даже не знаю твоего имени.

Его собеседник обижается:

– Оно было написано на моём значке в магазине! Не помнишь?

– Не заметил.

– Не заме-етил! Мужик, в твоём положении нужно быть более наблюдательным. – Он осекается, затем добавляет: – Я хотел сказать – в твоём положении там, снаружи. Здесь всё нормально.

Коннор ждёт, пока его захватчик не называет себя:

– Арджент. Серебро. По-французски это слово означает «деньги». Арджент Скиннер к твоим услугам.

– Из Вичитских Скиннеров.

Арджент вздрагивает, голос его полон подозрения:

– Ты слышал о нас?

Коннора так и подмывает поводить его за нос, но он вовремя соображает, что Арджент не обрадуется, смекнув, что над ним смеются.

– Да нет. Ты только что сам упомянул.

– А, ну да.

Теперь Арджент просто стоит и лыбится. Наверху лестницы открывается люк, и кто-то спускается по ступенькам. Это молодая женщина, похожая на Арджента, но на пару лет старше, выше и рыхлее – нет, не толстая, просто немного грузноватая и бесформенная, в некрасивой, старомодной одежде и с ещё менее осмысленным выражением лица, чем у Арджента, если это вообще возможно.

– Это он? Мне можно на него посмотреть? Нет, это правда он?

Внезапно поведение Арджента меняется.

– Заткнись, дурёха! – рявкает он. – Хочешь, чтобы весь мир узнал, кто у нас в гостях?

– Прости, Арджи, – говорит она, ссутулив широкие плечи.

Коннору не составляет труда понять, что это старшая сестра Арджента. Ей года двадцать два – двадцать три, хотя ведёт она себя, как маленькая. Да и лицо девушки, безвольное, туповатое, свидетельствует, что её слабый ум – не её вина, хотя Арджент явно придерживается иного мнения.

– Хочешь поддержать компанию – тогда брысь в угол и сиди тихо! – Арджент поворачивается к Коннору: – Грейс вечно орёт, аж стены гудят. Не понимает, что в помещении надо разговаривать потише.

– Но мы же не в помещении, – возражает Грейс. – Штормовое убежище во дворе, а не в доме.

Арджент вздыхает и трясёт головой, посылая Коннору преувеличенно страдающий взгляд:

– Не, ну скажи, это разве жизнь?

– Не жизнь, – соглашается Коннор. Вот и ещё один кусочек полезной информации. Подвал не в доме, он во дворе. Это значит, что если ему, Коннору, удастся удрать отсюда, он окажется на десяток ярдов ближе к свободе.

– А как мы сохраним тайну, когда остальные домашние вернутся с работы?

– А никто больше не придёт, – сообщает Арджент. Именно за этой новостью Коннор и охотился. Хотя кто знает, хорошо это или плохо. С одной стороны, если бы в этом доме жил кто-то ещё, то, может, у него хватило бы ума остановить эту комедию, пока не поздно. Но с другой стороны, человек с мозгами, скорее всего, сдаст Коннора властям.

– А, вот оно что... Просто я подумал, что раз вы живёте в доме, то у вас и семья есть. Родители, там...

– Они мертвы, – говорит Грейс. – Мертвы, мертвы, мертвы.

Арджент бросает на неё суровый предупреждающий взгляд и снова возвращается к Коннору:

– Наша мать умерла молодой. А отец сыграл в ящик в прошлом году.

– Что очень даже неплохо, – добавляет Грейс, ухмыляясь, – потому что он собирался отдать Арджента на разборку ради пригоршни баксов.

Одним плавным движением Арджент подхватывает бутылку с водой и швыряет её в Грейс стремительно, как питчер в бейсболе. Грейс уклоняется, но недостаточно быстро, и бутылка задевает её по голове, отчего девушка болезненно вскрикивает.

– ОН ТОЛЬКО ЯЗЫКОМ ТРЕПАЛ! – орёт Арджент. – Я ВЫШЕЛ ИЗ ВОЗРАСТА РАЗБОРКИ!

Грейс, держась за голову, неустрашимо возражает:

– А пиратам на твой возраст наплевать!

– Я что тебе сказал, а? ЗАТКНИСЬ!

Арджент несколько секунд молчит, пережидая, пока злость уляжется, а затем обращается к Коннору, ища в нём союзника:

– Грейс как собака. Иногда надо ей демонстрировать, кто здесь хозяин.

Коннор, однако, не в силах сдержать кипящей внутри ярости:

– А не крутовато ли демонстрируешь? – Он смотрит на Грейс – та всё ещё держится за лоб, хотя, похоже, ей не очень больно, пострадало, в основном, её достоинство.

– Да ладно тебе, она сама виновата. Разборка – не повод для шуток, – говорит Арджент. – Кому и знать, как не тебе. Сказать по правде, дай нашему папашке волю, так он нас обоих отправил бы на расчленёнку, лишь бы избавиться от лишних ртов. Но Грейс не подлежит разборке по закону, она слабоумная, даже пираты таких не берут. Меня он тоже не мог разобрать, потому что кто бы тогда заботился о Грейс? Соображаешь теперь?

– Угу.

– У меня пониженная функция коры головного мозга, – ворчит Грейс. – Я не слабоумная. Я низкокортикальная⁵. Не так оскорбительно.

По мнению Коннора, «низкокортикальная» звучит тоже отнюдь не лестно. Он крутит кистями, пытаясь понять, насколько туго затянуты верёвки. Похоже, Арджент мастер вязать узлы – ни один не ослабевает. Каждая рука Коннора привязана отдельно, поэтому чтобы освободиться, ему придётся управиться с двойным количеством пут. Это наводит его на воспоминания о том, как он сам когда-то привязал Льва к дереву, после того, как спас его от жертвоприношения. Он лишил Льва свободы, чтобы сохранить ему жизнь. «Правда пословица, – думает Коннор, – как аукнется, так и откликнется». Теперь он сам во власти человека, верящего в то, что держит Коннора на привязи ради его же блага.

– Ты случайно не захватил с собой те сэндвичи, что я купил? – спрашивает Коннор. – Умираю с голоду.

– Не-а. Наверно, так и валяются там, на парковке.

– Раз я твой гость, не кажется ли тебе, что держать меня впроголодь не очень-то вежливо? Арджент раздумывает.

– Пожалуй, ты прав. Пойду соображу что-нибудь. – Он приказывает Грейс напоить Коннора из подвальных запасов. – И не вздумай учудить здесь чего, пока меня нет!

Коннор не очень понимает, к кому обращается его тюремщик – к нему или к Грейс, но приходит к выводу, что это неважно.

После ухода Арджента Грейс заметно расслабляется, освободившись из-под сферы влияния брата. Она протягивает Коннору бутылку воды, но потом соображает, что тот не может взять её. Грейс свинчивает пробку и льёт воду Коннору в рот. В основном вода проливается ему на штаны, хотя и в рот тоже попадает достаточно.

– Ой, прости! – лепечет Грейс чуть ли не в панике. Коннор понимает, почему.

– Не волнуйся. Скажу Ардженту, что обоссался. Не станет же он злиться за это *на тебя*.

– Он найдёт, как свалить вину на меня! – смеётся Грейс.

Коннор смотрит ей в глаза – наивность в них медленно уступает место чему-то другому.

– Твой брат не очень хорошо с тобой обращается, правда?

– Кто, Арджи? Да нет, он ничего. Просто злится на весь мир, но мир – он где-то там, не достать, а я под рукой.

Коннор улыбается, услышав это.

– Да ты умнее, чем думает твой брат!

– Может и так, – говорит Грейс не слишком убеждённым тоном. Она оглядывается на закрытый люк, потом поворачивается обратно к Коннору. – Мне нравится твоя татуировка. Большая белая?

⁵ От слова «кортекс» (кора по-латыни) – кора головного мозга, отвечающая за развитие множества функций. В чрезмерно политкорректном обществе, само собой, нельзя называть человека слабоумным. Вот и изобрели выражение «низкокортикальный» (вернее, Шустерман изобрёл).

– Тигровая акула, – поправляет Коннор. – Только она не моя. Она принадлежала одному парню, который, собственно, пытался задушить меня этой самой рукой. Не смог. В последнюю секунду спёкся. Ну и вот – его разобрали, а рука досталась мне.

Грейс обдумывает услышанное, щёки её начинают рдеть.

– Врёшь ты всё! Думаешь, я такая глупая, что поверю, будто Беглец из Акрона согласился принять руку беглеца?

– Моего согласия никто не спрашивал. Они присобачили мне эту дрянь, когда я лежал в коме.

– Так я тебе и поверила.

– Развяжи меня, и я покажу тебе шов.

– Чего захотел.

– Да, вижу, тебя не проведёшь. Ты же и так можешь увидеть шов. Эх, будь на мне рубашка, моя попытка сработала бы лучше.

Грейс приближается, опускается на колени и осматривает плечо Коннора.

– Чтоб мне сдохнуть. Это действительно привитая рука!

– Ну да, и к тому же болит адски. Привитую руку нельзя этак заворачивать за спину.

Теперь Грейс пытливо смотрит ему в глаза, как несколько мгновений назад это делал Коннор.

– Глаза у тебя тоже новые? – спрашивает Грейс.

– Только один.

– Который?

– Правый. Левый мой собственный.

– Хорошо, – произносит Грейс, – потому что я уже решила, что этот глаз – честный. – Она наклоняется за спину Коннора, к верёвкам. – Я не стану совсем тебя отвязывать – не такая я дура; только ослаблю верёвки на этой руке, чтобы ей не было так больно.

– Спасибо, Грейс.

Коннор чувствует, как провисает верёвка. Он не лгал – шов действительно горит огнём от натяжения. Он слегка подёргивает кистью, и постепенно она выскальзывается из петли. Рука Роланда свободна и тут же рефлексивно сжимается в кулак, готовая размахнуться и нанести удар. Все инстинкты Коннора требуют сделать это, но голос Рысы, звучащий в его сознании постоянно, как если бы его туда вживили, говорит: «Остановись. Не совершай необдуманных поступков» .

Проблема в том, что свободна только одна рука. Получится ли у него вырубить Грейс одним ударом, затем развязать вторую руку и сбегать до возвращения Арджента? Сможет ли Коннор в его нынешнем физическом состоянии обыграть двоих человек, и каковы будут последствия, если попытка ему не удастся? Всё это проносится в голове парня за крошечную долю секунды. Грейс ошеломлённо таращится на свободный кулак, она совсем растерялась. Коннор принимает решение. Он набирает полную грудь воздуха, расслабляет пальцы, трясёт кистью...

– Спасибо. Ух, как хорошо! – произносит он. – Теперь быстро. Привяжи её опять, пока Арджент не вернулся, только на этот раз не так плотно.

Грейс с облегчением принимается вновь привязывать руку, и пленник не сопротивляется.

– Ты же не скажешь ему про меня, правда? – просит Грейс.

Коннор улыбается. Изображать улыбку для Грейс куда легче, чем для её брата.

– Это будет наша тайна.

Через несколько мгновений возвращается Арджент с бутербродом, в котором количество майонеза намного превышает количество бекона. Он кормит пленника с руки, так и не заметив, что обстановка слегка изменилась. Грейс доверяет теперь Коннору больше, чем собственному брату.

2. Клаппер

Клаппер полон дурных предчувствий, но точка невозврата уже пройдена.

До нынешнего дня он много месяцев вёл мучительную жизнь на улице. Ради выживания ему приходилось проделывать страшные вещи. Они превратили его в существо, в котором не осталось ничего даже отдалённо напоминающего человечность. Он сдался, опустил на дно и прозябал на самых грязных задворках Города Греха.

Перебираясь в Лас-Вегас, он рассчитывал, что у беглеца здесь больше шансов раствориться в толпе, однако этот город – не для неудачников. Если ты застрял здесь – пощады не жди. Лас-Вегас раскрывает свои объятия только тем, кто может свободно из него убраться; и хотя эти люди, как правило, покидают город с пустыми карманами, это всё же лучше, чем остаться здесь и валяться в грязи, словно стреляная гильза.

Когда вербовщик нашёл парня, тому всё на свете было уже до лампочки. Интерес к жизни из него давно и основательно выбили. Бедолага полностью созрел для карьеры клаппера.

– Пойдём со мной, – предложил вербовщик. – Я научу тебя, как заставить их за всё заплатить.

«Они» – это все и каждый; это то самое универсальное «не я», которое ответственно за его поломанную жизнь. Виноват весь мир. Поэтому все должны заплатить. Вербовщик знал, на какие кнопки жать – и договор был заключён.

Теперь, двумя месяцами позже, клаппер осторожно идёт рядом с девушкой своей мечты в местный спортивный клуб в Портленде, штат Орегон. Это далеко от Лас-Вегаса, далеко от той жизни, которую он когда-то вёл. Чем дальше, тем лучше. Его новая жизнь, пусть и короткая, будет ослепительной. И оглушительной. Проиигнорировать её будет невозможно. Объект для теракта выбрал для них кто-то из более высокого звена. Смешно – ему никогда не приходило в голову, что у клапперов такая чёткая организация; и тем не менее за всем этим бедламом просматриваются ясная структура и иерархия. Мысль о том, что за безумием стоит рациональный метод, приносит юноше странное утешение.

Его ячейка состоит из двух человек. Их с девушкой тщательно подготовили, начинили взрывчаткой и передали в руки психо-манипулятора, который, судя по всему, в предыдущей жизни подвизался на ниве агитации и пропаганды.

– Хаос изменит облик мира! – накручивал он их. – Вы познаете всю сладость мести, и ваш подвиг просияет в веках!

Клапперу наплевать на облик мира, его влечёт лишь месть. Он бы так и так загнулся где-нибудь в подворотне, зато теперь его горькая кончина – под его собственным контролем, под властью его собственных соединившихся ладоней – обретёт смысл.

А если это не так? А если он обманывается?

– Ты готов? – спрашивает девушка. Они уже рядом с клубом.

Он не делится с ней своими сомнениями. Он хочет, чтобы она думала о нём как о человеке сильном. Решительном. Смелом.

– Готов, – отвечает он. – Устроим им мясорубку, чтобы надолго запомнили!

Они входят в клуб. Юноша придерживает дверь, девушка улыбается ему. Улыбки и вот такие милые моменты – большего они себе позволить не могут, хотя и желали бы. Когда у тебя взрывоопасная кровь, никакие интимные отношения невозможны.

– Чем могу помочь? – спрашивает служащий на ресепшене.

– Мы бы хотели вступить в клуб.

– Отлично! Одну минутку, я найду того, кто вам поможет.

Девушка делает глубокий дрожащий вдох. Юноша держит её за руку. Мягко, осторожно. Всегда осторожно, потому что для того чтобы взорваться, детонатор необязателен – одно неловкое движение и... Просто с детонатором надёжнее и быстрее.

– Я бы хотела быть с тобой, когда мы... исполним свою миссию, – говорит девушка спутнику.

– Я тоже, но нам нельзя. Ты же знаешь. Обещаю – я буду думать о тебе.

Инструкция гласит – они должны находиться на расстоянии не меньше десяти метров друг от друга. Чем дальше, тем эффект их «миссии» разрушительнее.

К ним приближается тип – гора мускулов, улыбка на миллион баксов:

– Привет, меня зовут Джефф. Я помощник-координатор для новеньких. А вас как зовут?

– Сид и Нэнси, – отвечает клаппер. Девушка нервно хихикает. Да они могли бы назваться хоть Томом и Джерри, неважно. Можно было бы даже воспользоваться настоящими именами; просто фальшивые как бы придают их обману большую достоверность.

– Пошли, покажу вам помещение. – Одной только безупречной улыбкой Джеффа достаточно, чтобы взорвать всё это заведение к чертям.

Джефф ведёт их мимо главного офиса. Менеджер, не отрываясь от телефона, поднимает взгляд и на мгновение встречается с глазами клаппера. Тот смотрит в сторону, словно боясь, что менеджер прочтёт его мысли. Ему кажется, что его намерения ясны каждому встречному, как если бы его руки уже были широко разведены в стороны. Но у менеджера наверняка особый нюх на такие дела. Клаппер старается побыстрее исчезнуть из поля его зрения.

– Вон там у нас зал для силовых тренировок – гантели, штанга, всё такое. Тренажёры направо. Всё по последнему слову техники, с голографическими развлекательными консолями. – Гости не слушают Джеффа, но он, похоже, этого не замечает. – Зал для аэробики на втором этаже. – Джефф жестом приглашает их последовать за ним по лестнице наверх.

– Ты иди, Нэнси, – говорит клаппер, – а я тут гири побросаю.

Они обмениваются коротким кивком. Так они установят нужную дистанцию. Этот момент – их прощание.

Юноша направляется в сторону зала для силовых тренировок. Пять часов – время, когда посетителей в клубе особенно много. Чувствует ли он раскаяние от того, что пришёл сюда именно в это время? Чувствует, но только когда видит лица окружающих; поэтому он старается не смотреть. Это не люди – это идеи. Они – собирательный образ врага. К тому же, он ведь не сам выбрал время и место; ему велели прийти точно к этому часу и именно сегодня. Когда речь идёт о событии такого масштаба, легче всего спрятаться за формулировкой «Я всего лишь выполнял приказ».

Скрывшись за пилоном, он достаёт из кармана круглые детонаторы, похожие на пластырь, и наклеивает их на ладони. «Всё это по-настоящему. Отсчёт начался. О Господи... о Боже мой...»

И словно эхо, вторящее его мыслям, он слышит:

– О Господи!

Юноша вскидывает глаза: перед ним стоит менеджер. С ладоней нового члена клуба на него злобно взирают детонаторы размером с пенни, похожие на стигматы. Нет сомнения, для чего они там.

Менеджер хватается юношу за запястья, не давая свести ладони вместе.

– Отпусти! – вскрикивает клаппер.

– Постой, выслушай меня! – говорит менеджер громким шёпотом. – Ты думаешь, это место выбрали наобум? Нет! Тебя используют!

– Пусти, или я...

– Или ты что? Взорвёшь меня? Именно это им и нужно! Я – один из активных членов Сопротивления. Пославшие тебя на самом деле целят в нас! Они вовсе не за царство хаоса. Они хотят уничтожить Сопротивление! Ты не на той стороне!

– Нет здесь никаких сторон!

Он вырывается, готовый хлопнуть...

... но решительность его немного ослабла.

– Вы из Сопротивления?

– Я могу тебе помочь!

– Слишком поздно! – Клаппер чувствует прилив адреналина. Слышит, как стучит в ушах пульс. Интересно, а можно сдетонировать от ударов сердца?

– Мы вычистим твою кровь! Мы можем тебя спасти!

– Врёшь ты всё!

Но клаппер знает – это возможно. Так сделали с Львом Колдером, верно? А потом клапперы пришли к нему и попытались убить за то, что он не хлопнул.

Наконец один из множества погружённых в экстатическую тренировку качков замечает, какого рода беседа идёт между менеджером и новеньким, и вскрикивает:

– Клапперы! – Он пьтится. – КЛАППЕРЫ! – вопит он и устремляется к двери. Остальные быстро вникают в ситуацию, разражается паника. Однако менеджер не сводит глаз со своего собеседника.

– Я могу помочь тебе!

Внезапно здание сотрясает взрыв, тренажёры валятся на пол. Она сделала это! Она выполнила миссию! Её больше нет, а он всё ещё здесь.

Мимо него бегут люди – окровавленные, кашляющие, заходящиеся криком; менеджер снова хватает его за руки с резкостью, достаточной для детонации.

– Тебе не обязательно следовать её примеру! Прими самостоятельное решение! Стань на сторону правого дела!

Клапперу хочется верить, что ему и впрямь говорят правду, что эта искорка надежды настоящая, не фальшивая; однако повсюду царит хаос, кругом сыплются горящие обломки, и в голове у него такой же кавардак. Разве может он предать свою подругу? Разве может он закрыть дверь, которую она открыла, и отказаться завершить дело, которое она начала?

– Я найду для тебя безопасное место. Никто никогда не узнает, что ты не стал хлопать!

– Хорошо, – говорит он, придя наконец к решению. – Хорошо.

Менеджер испускает вздох облегчения и отпускает его руки. И в тот же момент клаппер широко разводит ладони и резким движением сталкивает их вместе.

– Не-е-ет!

И он уходит, уходит, прихватив с собой и деятеля из Сопротивления, и то, что осталось от здания, и последнюю искру надежды.

3. Кам

Первый в мире составной человек одет в классический вечерний костюм.

На нём сшитый на заказ фрак высшего качества. Кам хорош. Великолепен. Потрясающ. Во фраке он выглядит старше; но возраст для Камю Компри – понятие расплывчатое, он ведь толком не знает, сколько ему лет.

– Выбери мне день рождения, – требует он у Роберты, пока та завязывает на нём галстук. Похоже, ни одно из множества фрагментарных сознаний, составляющих его мозг, не хранит сведений о том, как завязать галстук-бабочку. – Назначь мне возраст!

Роберта для Кама что-то вроде матери. Во всяком случае, носит она с ним и вправду, как с собственным чадом.

– Сам выбери, – отвечает она, продолжая возиться с его бабочкой. – Ты же знаешь день, когда тебя собрали.

– Фальстарт, – говорит Кам. – Все мои части существовали ещё до моей сборки, так что этот день для празднования не подходит.

– Все части любого человека существуют ещё до того, как он появляется на свет в качестве индивидуума.

– До рождения, ты имеешь в виду.

– Да, до рождения, – уступает Роберта. – Но сам этот день – явление случайное. Одни младенцы рождаются раньше срока, другие позже. Определять начало жизни днём, когда ребёнку отрезают пуповину – это очень условно.

– Но они все были рождены, – настаивает Кам. – А это значит, что я тоже родился. Только не в один момент и у разных матерей.

– Бесспорно, – подтверждает Роберта, отходя, чтобы полюбоваться им. – Твоя логика непогрешима, как и твоя внешность.

Кам поворачивается и смотрит в зеркало. Его волосы – множество симметричных разноцветных прядей – аккуратно подстрижены и уложены в безупречную причёску. Звезда на лбу, образованная сходящимися в одну точку оттенками кожи, лишь служит дополнительным украшением его необычайной наружности. Шрамы уже давно не шрамы – они превратились в тончайшие, с волосок, швы. Скорее экзотично, чем отталкивающе. Его кожа, волосы, всё тело – произведение искусства. Он прекрасен.

«Так почему же Риса покинула меня? »

– Дверь на замок! – машинально произносит он, но тут же прочищает горло и делает вид, что ничего не говорил. Эти слова вырываются у него в последнее время всякий раз, когда он хочет прогнать от себя ту или иную мысль. Он не может вовремя остановиться и не произнести их. Они ассоциируются у него с образом падающего бронированного занавеса, отсекающего мысль, не пускающего её в сознание. «Дверь на замок» стало теперь образом жизни Кама.

К несчастью, Роберта отлично знает, что стоит за этими словами.

– Десятое октября, – быстро говорит Кам, чтобы отвлечь её от неприятной темы. – Мой день рождения будет десятого октября – приурочим ко Дню Колумба⁶.

Ибо что может быть более подходящим, чем день, когда были открыты новая земля и новые люди, для которых эта земля не была новой и которые вовсе не нуждались в том, чтобы их открывали?

– Десятого октября мне исполнится восемнадцать.

⁶ День Колумба – праздник в честь годовщины прибытия Колумба в Америку, которое произошло 12 октября 1492 года по юлианскому календарю (21 октября 1492 года по григорианскому) .

– Чудесно! – соглашается Роберта. – Устроим грандиозную вечеринку в твою честь. Но сейчас у нас на повестке другой праздник. – Она ласково берёт его за плечи, поворачивает к себе лицом и поправляет бабочку на манер того, как выравнивают картину на стене. – Уверена, мне не требуется внушать тебе, как важен для нас этот приём.

– Не требуется, но ты же всё равно примешься внушать. Роберта вздыхает.

– Речь больше не идёт об учёте потерь и выработке стратегии, Кам. Не скрою, предательство Рисы Уорд выбило нас из колеи, но ты справился блестяще. И это всё, что я могу сказать на этот счёт. – Однако, по-видимому, это не всё, потому что она добавляет: – Внимание публики – это, конечно, много; но сейчас ты попал под луч прожектора тех, кто заправляет делами в нашем обществе. В этом фраке ты неотразим. И теперь ты должен показать им, что твой внутренний мир так же прекрасен, как и внешний.

– Красота – понятие растяжимое.

– Вот и заставь их растянуться у твоих ног.

Кам выглядывает в окно. Прибыл лимузин. Роберта подхватывает свою сумочку, Кам – как всегда, безупречный джентльмен – придерживает дверь перед дамой. Они выходят в душную июльскую ночь, покидая шикарную вашингтонскую резиденцию «Граждан за прогресс». Кам подозревает, что у могущественной организации имеются квартиры во всех важнейших городах страны – а может и мира.

«Почему «Граждане за прогресс» тратят на меня столько денег и влияния? » – часто размышляет Кам. Чем больше они ему дают, тем сильнее его злость на них, тем глубже он чувствует свою несвободу. Его вознесли на пьедестал, но Кам давно уже понял, что пьедестал – это род золотой клетки. Ни стен, ни замков, но если у тебя нет крыльев, ты никуда не улетишь. Пьедестал – самая надёжная из тюрем.

– Даю пенни за то, чтобы узнать твои мысли, – вкрадчиво произносит Роберта, когда они вырываются на кольцевую.

Кам усмехается, не глядя на неё:

– Наверняка у «Граждан за прогресс» найдётся побольше, чем пенни. – Да пусть его хоть золотом осыплют – делиться своими мыслями с Робертой он не намерен.

Сумерки. Лимузин несётся вдоль Потомака. На другом берегу реки уже горят яркие огни, подсвечивая все значительные сооружения округа Колумбия. Монумент Вашингтона окружён строительными лесами. Корпус военных инженеров пытается выправить заметно покосившийся обелиск: эрозия скального основания и усилившаяся в последние десятилетия сейсмическая активность привели к тому, что в Вашингтоне появилась своя «падающая башня». Остряки от политики шутят: «Если смотреть на Монумент Вашингтона со стороны кресла Линкольна, то он клонится вправо, а если со стороны Капитолия – то влево».

Кам впервые в столице, и всё же в его памяти хранятся воспоминания о многих предыдущих посещениях. Он помнит, как колесил на велосипеде по аллеям парка Нэшнл-Молл с сестрой, девочкой определённо цвета умбры. Помнит, как был здесь с родителями-японцами – те выходили из себя, не в силах совладать с разбаловавшимся сыночком. А ещё в нём живёт странное, с искажённой цветовой гаммой воспоминание об огромном полотне Вермеера, висящем в музее Смитсоновского института, и тут же – другой его образ, в полном цвете.

Кам научился извлекать удовольствие из сравнения и сопоставления подобных образов. Воспоминания об одних и тех же местах, казалось бы, должны быть одинаковыми, но это не так. Они никогда не совпадают, потому что каждый из беглецов, представленных в мозгу Кама, видел окружающий мир по-своему. Поначалу это лишало его самообладания, бывало, он даже впадал в панику. Но сейчас, как ни странно, он находит, что столь различные представления помогают ему составить более полную картину вселенной, потому что дают ему ментальный параллакс, то есть разрешают смотреть на мир под разными углами. У одиночного наблюдателя, ограниченного только одной точкой зрения, перспектива не так глубока. Кам не устаёт

твердить себе это, и, собственно, так оно и есть; и всё же под всеми этими рассуждениями живёт первобытная злость, пробивающаяся наружу при каждой нестыковке. Как только похожие образы начинают противоречить друг другу, этот диссонанс отзывается в самой сердцевине существа Кама, как напоминание о том, что даже его собственная память принадлежит не ему.

Лимузин сворачивает на полукруглую подъездную аллею к какому-то особняку в плантаторском стиле, не слишком старому и не слишком новому, как оно и бывает с большинством вещей. Дорога запружена шикарными автомобилями; расторопные служители паркуют машины гостей, не воспользовавшихся услугами шофёра.

Роберта замечает:

– Когда у человека возникает чувство неловкости за то, что его машину паркует служитель, а не шофёр, это значит, что он попал в высший слой общества.

Их лимузин останавливается, дверцы распахиваются.

– Блистай, Кам! – взывает Роберта. – Слепи их, потому что ты звезда!

Она легонько целует его в щёку. И только после того как они выходят из автомобиля и внимание Роберты направлено на дорогу, Кам тыльной стороной ладони стирает с щеки след её поцелуя.

РЕКЛАМА

Сколько раз вы пытались ухватить слово, вертящееся на кончике языка, а оно никак не давалось? Как часто вы старались запомнить номер телефона, только для того чтобы мгновением позже начисто забыть его? Непреложный факт: с возрастом нам всё труднее задействовать свою долговременную память.

Вы можете попробовать Невро-Ткань, но она дорога и к тому же заполнена своей собственной информацией, вам не принадлежащей.

Однако теперь у нас имеется Быстро-Дум® – неврологическая система хранения знаний, которая вам столь необходима!

Быстро-Дум® – это органический имплантат размером с десятицентовую монету, незаметный, вживлённый за ухом и повышающий возможности вашей памяти с помощью миллионов здоровых нейронов, взятых у отборных разобранных.

Вы больше никогда не забудете нужное вам имя или день рождения близкого человека. Звоните и запишитесь на консультацию уже сегодня, и вы навсегда забудете, что вас были проблемы с памятью!

– А правда то, что о тебе говорят? – спрашивает его красотка.

Её платье немного коротковато для приёма, рассчитанного на бальные туалеты и фраки. Она единственная из гостей, кто подходит Каму по возрасту.

– Смотря что, – отвечает он. – А что говорят?

Они в библиотеке, далеко от шума и блеска многолюдного праздника. Из мебелировки здесь стенной шкаф, уставленный переплетёнными в кожу книгами; удобное кресло и письменный

менный стол – такой огромный, что вряд ли его можно использовать по прямому назначению. Кам сбежал сюда, потому что ему надоело «блистать» пред очами разных богатых и могущественных персон. Девушка увязалась следом.

– Я слышала, будто всё, за что бы ты ни взялся, ты делаешь неподражаемо. – Она идёт к нему от двери. – Ещё поговаривают, что все твои части подверглись тщательному отбору и поэтому они идеальны во всех отношениях.

– Я ничего такого не говорю, – лукаво усмехается Кам. – Это Мэри Поппинс утверждает, что она само совершенство.

Девушка хихикает и подходит к нему вплотную.

– Оказывается, ты ещё и забавный!

Она красива. И, несомненно, его поклонница. Она хочет купаться в лучах его славы; и Кам спрашивает себя, а не позволить ли ей это.

– Как тебя зовут?

– Миранда. А можно я... потрогаю твои волосы?

– Только если ты разрешишь мне потрогать твои...

Она проводит рукой по его разноцветным прядям – сначала осторожно, а затем зарывается в них пальцами.

– Ты такой... экзотичный. Я думала, что когда увижу тебя вот так, вблизи, то с ума сойду от страха. Но нет...

Её аромат – ваниль и полевые цветы – вызывает в нём неясные воспоминания. Впрочем, это популярные духи популярных девушек.

– Риса Уорд – сучка, – произносит она. – Как она посмела так с тобой обойтись, да ещё на национальном телевидении! Поиграла и бросила. Ты заслуживаешь лучшего. Ты заслуживаешь того, кто оценит тебя по достоинству.

– Дверь на замок! – вырывается у Кама.

Девушка одаривает его улыбкой и томно плывёт к двери.

– Здесь нет замка, – сообщает она. – Я просто закрою её, хорошо?

Она плотно притворяет дверь; ещё мгновение – и она снова в его личном пространстве. Кам даже не совсем понимает, как она там очутилась: девушка словно телепортировалась от двери прямо в его объятия. У него не получается трезво мыслить – слишком много данных на входе. Обычно его это раздражает, но сегодня так даже лучше.

Она развязывает его галстук. Кам отдаёт себе отчёт, что не сможет вновь завязать его, но ему всё равно. Он сжимает девушку в объятиях. Она целует его – долго-долго, и отстраняется лишь на короткое время, чтобы перевести дух и послать партнёру лукавый, зовущий взгляд. Она снова тянется к нему. Второй поцелуй ещё более пылок, чем первый. Девушка, кажется, решила пуститься в тщательные исследования. Кам обнаруживает, что и сам не промах по этой части. Должно быть, решает он, заработала мышечная память, поскольку язык, что ни говори, это прежде всего мышца.

Девушка снова отстраняется, задохнувшись ещё больше, чем прежде. Затем она прижимается щекой к его щеке и тихонько шепчет ему в ухо:

– Я хочу стать твоей первой.

Её атласное платье с тихим шелестом трётся о прекрасно выделанную ткань его фрака.

– Ты явно из тех юных леди, которые добиваются желаемого.

– Всегда, – выдыхает она.

Вообще-то, Кам пришёл сюда вовсе не за этим. Может, дать ей отбой? Хотя зачем? Зачем отказываться от того, что предлагается вот так свободно, без принуждения? К тому же, упоминание имени Рисы раззадорило его. Она его не захотела? Ну так он сделает это здесь, с девушкой, чьё имя он уже позабыл.

Он целует её – ещё более жадно и агрессивно, чем она.

И в этот момент распахивается дверь.

Кама замирает. Девчонка отскакивает от него, но поздно. В дверном проёме возвышается импозантного вида мужчина, в своём элегантном фраке выглядящий даже более внушительно, чем Кама.

– Руки прочь от моей дочери!

Руки Кама уже давно не имеют касательства к его дочери, так что юноше больше ничего не остаётся, как ждать, чем закончится вся эта сцена.

– Папа, пожалуйста! Ты ставишь меня в неловкое положение!

Начинают собираться другие гости, привлечённые разворачивающейся драмой. Глаза отца мечут молнии – он явно практиковался в этом под руководством профессионала.

– Миранда, надевай пальто. Мы уезжаем!

– Папочка, ты всё не так понял! Ты всегда всё преувеличиваешь!

– Ты меня слышала.

Вот теперь включается фонтан и начинает работать на полную мощность.

– Ну почему ты вечно всё портишь! – рыдает Миранда и, вся в слезах, шествует к двери, неся своё унижение словно боевую рану.

Кама понятия не имеет, как ему на всё это реагировать, поэтому не реагирует никак. Засовывает руки в карманы – на всякий случай, чтобы от него опять не потребовали убрать их от несчастной девицы, в это время стремглав несущейся прочь по коридору. Лицо его бесстрастно, как у игрока в покер. С разъярённым папашей, судя по его виду, вот-вот произойдёт спонтанное самовозгорание.

Появляется Роберта. Немного помедлив, она спрашивает:

– Что здесь происходит? – Тон её голоса сейчас совершенно для неё нехарактерен: неуверенный, беспомощный, из чего следует вывод, что положение у Кама ещё более незавидное, чем он полагал.

– Я вам сейчас объясню, что здесь происходит! – ревет мужчина. – Этот ваш... субъект... пытался совратить мою дочь!

– Вообще-то, – возражает Кама, – это она пыталась совратить меня. И, можно сказать, преуспела.

Из толпы собравшихся слышатся приглушённые смешки.

– Ты думаешь, я этому поверю?! – Папаша кидается вперёд, и Кама вынимает руки из карманов, готовый защитить себя, если потребуется.

Роберта бросается между ними:

– Сенатор Маршалл, не могли бы вы...

Но сенатор отталкивает её в сторону и наставляет палец в лицо Каму. Одна часть Кама хочет сломать этот палец. Другая не прочь его откусить. Третья готова повернуться и задать стрелача, четвёртая – остаться и от души поржать над этой комедией. Кама обуздывает все эти противоречивые импульсы и остаётся недвижим и невозмутим, пока сенатор выговаривает ему:

– Если ты ещё хоть раз когда-нибудь приблизишься к моей дочери, я прослежу, чтобы тебя снова разъяли – один проклятый кусок за другим! Надеюсь, тебе ясен смысл моих слов?

– Ясен, как стекло, сэр, – говорит Кама, – настолько чистое, что ещё чуть-чуть, и его вообще не станет видно.

Сенатор отступает и обрушивает свою ярость на Роберту:

– Не вздумайте обращаться ко мне, – хрипит он, – за поддержкой для вот этого вашего... «проекта»! – Он выплёвывает последнее слово и вылетает из помещения, оставляя за собой, словно выхлоп, полосу удручающего молчания.

Роберта, потеряв дар речи, смотрит на Кама с горьким упрёком в глазах. «Почему? – вопрошают эти глаза. – Почему ты так наплевательски обошёл со всем тем, что я пыталась дать тебе? Ты всё испортил, Кам! Нам конец! Мне конец! »

И тут в тишине кто-то начинает аплодировать. Мужчина немного старше и объёмистее в талии, чем сенатор Маршалл. Его ладони соединяются с таким громоподобным хлопком, что любой клаппер бы обзавидовался.

– Отлично сработано, сынок! – Толстяк говорит с ярко выраженным южным акцентом. – Я много лет пытался уесть Маршалла, а ты справился за один вечер. Молодец, так держать! – И он разражается громовым хохотом, после чего напряжённость в комнате лопается, словно мыльный пузырь.

Женщина в сверкающем золотыми блёстками платье и с бокалом шампанского в одной руке, второй рукой обнимает Кама за талию и слегка невнятно по причине употреблённого алкоголя произносит:

– Уж поверь мне: ты не первый парень, которого Миранда Маршалл пытается заглотить целиком. Эта девица – просто анаконда какая-то!

Кам не может удержаться от смеха:

– Она и вправду пыталась удавить меня в кольце своих объятий.

Теперь хохочут уже все. Толстяк пожимает Каму руку.

– Но нас ещё не представили друг другу должным образом, мистер Компри. Я Бартон Кобб, старший сенатор от Джорджии. – Он оборачивается к Роберте, у которой такой вид, будто она только что слезла с «русских горок». – Мисс Грисволд, можете рассчитывать на мою безусловную поддержку вашего проекта, а если сенатору Маршаллу это не нравится, он может засунуть своё недовольство туда, куда не проникает ничего, кроме инструмента проктолога. – Он снова гогочет.

Оглянувшись по сторонам, Кам обнаруживает, что в библиотеку, похоже, набилось всё общество в полном составе. И каждый из гостей подходит к нему с протянутой ладонью и представляется – даже те, с кем он уже сегодня познакомился и поздоровался.

Кам прибыл на этот приём в качестве диковинки, этакого талисмана, пикантной приправы к блюду, а превратился в гвоздь программы. К этой роли он привычен, поэтому чем больше ему уделяют внимания, тем более раскованным он становится. Чем больше прожекторов, тем меньше теней, так ведь?

Роберта тоже чувствует себя лучше всего, когда Кам находится в центре внимания. Вьётся вокруг него, словно ночная бабочка вокруг свечи. Интересно, она имеет хоть малейшее представление, насколько ему противно всё то, за что она стоит? Самое странное, он даже толком не знает, за что же стоит Роберта, и от этого его презрение только растёт.

– Кам. – Она доверительно берёт его под локоток и ведёт к человеку в форме, который явно сам ни к кому подходить не собирается. – Это генерал Эдвард Бодекер.

Кам пожимает протянутую ладонь и отвешивает вежливый поклон:

– Это большая честь, сэр.

– Взаимно, – отвечает генерал. – Я как раз спрашивал мисс Грисволд, не подумываете ли вы о карьере военного.

– Я не отмечаю никаких возможностей, сэр, – уклончиво отвечает Кам. Это его любимый не-ответ.

– Отлично. Таким блестящим молодым людям, как вы, у нас нашлось бы широкое применение.

– Вот только, сэр, есть одна проблема: «таких, как я» молодых людей нет.

И генерал добродушно смеётся, отечески похлопывая Кама по плечу.

Напряжённость, царящая в помещении ещё несколько минут назад, полностью растаяла. Похоже, Кам правильно выбрал себе врага, потому что он вдруг обзавёлся множеством друзей.

4 . Ночной продавец

Это просто зараза, чёрная гниль, выедающая мир изнутри. Клапперы! Проклятые клапперы. Как собак нерезаных. Чума на их головы!

Продавцу магазина 7-Eleven на Палм-Дезерт-драйв в ночную смену нечем особенно заниматься, кроме как бесконечно раздумывать о собственной уже не молодой жизни, о современном мире, о жёлтых газетёнках, которые помимо сказок о пришельцах и призраках мёртвых знаменитостей обожают печатать репортажи об очередных терактах клапперов. Вот вам крошечка, вот размазанные кишки – всё ради того, чтобы развлечь и ублажить читателя. Там взорвали офисное здание, там подняли на воздух ресторан... Последнюю свою атаку клапперы провели на какой-то дурацкий спортивный клуб, чтоб им пусто было! Просто завалили в здание, как к себе домой, и здрасте-пожалста – ба-бах! У бедняг, накачивающих себе там мясо, ни единого шанса не было. Когда кругом, словно шрапнель, летают свинцовые гантели и тяжёлые диски, далеко не ушлёпаешь.

В 2:15 ночи в магазин забегают покупатель, берёт банку энергетического напитка и пакетик жвачки. Тёмная личность. Хотя опять же – кто бы ни нарисовался в 7-Eleven посреди ночи, все выглядят подозрительно; наверняка каждый мог бы о себе такого порассказать, что и слушать не захочешь.

Тёмная личность замечает таблоид, который читает продавец.

– Во психи, а? Клапперы. И откуда они берутся на нашу голову?

– Не знаю, откуда берутся, но знаю, куда отправляются, – ворчит продавец. – Взять бы всех этих клапперы и беглецов, а заодно и дикарей, посадить в самолёт да и грохнуть об землю.

Он думал, что нашёл благодарного слушателя, но покупатель смотрит на него в потрясении:

– Так прямо и всех? Постойте-ка, а разве в озеро Солтон не упал недели две тому назад самолёт с беглецами?

– И слава Богу! Жаль, меня там не было, вот бы я полюбовался. – Наступает неловкая пауза. – С вас пять долларов шестьдесят пять центов.

Покупатель платит, но демонстративно, не сводя с продавца холодного взгляда, опускает всю сдачу в жестянку с надписью «В Фонд помощи беспризорным». «Фонд» призван помочь «дикарям» определиться в жизни, прежде чем их жалкие задницы угодят на разборку. Ночному продавцу эта благотворительность как нож в сердце, но политика компании предписывает держать жестянку на прилавке.

Покупатель уходит, и теперь мысли продавца текут в новом направлении. Развелось сердобольных, чтоб их... С разобранными надо покруче, а эти добрячки, видите ли, не желают! Достали уже всякими исследованиями общественного мнения. «Надлежит ли нам выделить дальнейшие надцать миллиардов долларов на постройку новых заготовительных лагерей? Да или нет?» «Разрешить ли частичную разборку и медленное поэтапное разделение? Да или нет?» Тьфу ты, даже конституционность Параграфа- 17 и ту поставили под вопрос!

И поскольку мнения граждан по поводу разборки разделились поровну, всё теперь зависит от тех 30%, у которых либо нет никакого мнения, либо не хватает смелости его высказать. «Массы-шмассы вонючие» – так называет их ночной продавец. Мозгляки, неспособные выбрать правильную сторону. Если все эти радетели за природу и защитники прав «дикарей» возьмут верх над разумными людьми, то весь законный порядок с разборкой покатится под откос, и что тогда? Что, я вас спрашиваю? !

В 2:29 в магазин заходит женщина, у которой под глазами багажа больше, чем в её битком набитом драндулете, покупает чипсы и суёт продавцу под нос разрешение от врача на пачку «Камела» .

- На здоровье, – желает продавец, обслужив покупательницу.
- Да какое там здоровье...

Ржавый «фольксваген» выстреливает выхлопной трубой и отъезжает, изрыгая густые клубы синего дыма – завонял весь магазин. Некоторых следует разбирать хотя бы для того, чтобы защитить окружающую среду! Продавец ухмыляется: эх куда его занесло – в охрану окружающей среды! Тоже мне, ещё один радатель за природу объявился.

Становится непривычно тихо. Только сверчки сверчат, да изредка раздаётся шум проезжающего мимо автомобиля. Обычно продавец любит, когда в магазине пусто, но сегодня ночью тишина уж больно напряжённая. Интуиция у ночного продавца развилась будь здоров, и он щупает рукой под прилавком – вот он, его верный обреза, наготове. Вообще-то, оружия ему не полагается, но имеет же человек право постоять за себя в случае чего.

И вот в 3:02 в 7-Eleven откуда ни возьмись врывается целая банда «дикарей». Десятки и десятки налетают, точно саранча, гребут с полок всё подряд. Продавец тянется за ружьём, но прежде чем он успевает схватить его, ему в лицо уже смотрит дуло, потом ещё одно и ещё. В него целются трое из этих сорвиголов.

– Руки! И чтоб я их видела! – требует одна из троицы – высоченная деваха с причёской ёжиком и мужичьими плечами. Крутая баба. Такая отшибёт башку и не задумается. И всё же продавец отвечает:

– Иди к чёрту!

Она ухмыляется:

– А ну-ка, мерзавец, будь хорошим мальчиком и делай, что тебе говорят, тогда, глядишь, сможешь и завтра торговать своими чипсами.

Продавец неохотно поднимает руки. Ему остаётся лишь наблюдать, как эти подонки сваливают в мусорные мешки всё, до чего могут дотянуться их заребушие лапы, тащат добычу наружу и вновь возвращаются в магазин, чтобы грабить дальше. Тянут всё: напитки из холодильников, всякую мелочь с полок, даже туалетные принадлежности. И тут продавец соображает, кто эти ребята. Это же беглецы, выжившие после аварии самолёта, что утонул в Солтон-Си!

В магазин входит парень, от которого так и разит самоуверенностью. Наверняка их предводитель. Невысокий, но мускулистый, копна рыжих волос с чёрными корнями. У него что-то не то с левой рукой – обмотана множеством слоёв марли, как будто парню её прихлопнули автомобильной дверью. А может, ещё что похуже. Он подходит к прилавку и одаривает продавца лучезарной улыбкой.

– Да не волнуйся ты так, – весело говорит он. – Мы сейчас отчаливаем. Ничего личного – просто твоя забегаловка попалась по дороге, мы и забежали.

Продавец с удовольствием плюнул бы наглецу в рожу, если бы это не грозило ему смертью.

– А сейчас наступает момент, когда я попрошу тебя открыть кассу, а ты укажешь на табличку с надписью «Кассир располагает лишь \$20 на сдачу», но я всё равно попрошу.

Ночной продавец открывает кассу, и оказывается, что надпись не врёт.

– Видишь, сопляк? – говорит продавец. – Вся наличка идёт прямо в сейф, а ключа от него у меня нет.

Сопляк безмятежно отвечает:

– Ты напомнил мне нашего пилота. Не хочешь к нему в гости? Вы бы отлично поладили на дне Солтон-Си.

– Можем устроить тебе путешествие в один конец, – добавляет девчонка, по-прежнему держащая его на мушке.

Предводитель шайки выуживает здоровой рукой из кассы дайм; затем отрывает несколько лотереек, раскладывает их на прилавке и принимается шкрябать монеткой серебря-

ные кружочки. Всё это время троица со стволами целится в лицо продавцу, а остальная шпана продолжает опустошать магазин, грабастая всё, что попадает в их мерзкие жадные ручки.

– Нет вы только гляньте! – говорит предводитель. – Я выиграл пять баксов! – Он сует карточку с выигрышем под нос продавцу. – Дарю, – говорит он. – Купи себе мороженку.

После чего наглец уходит в сопровождении остальной банды, кроме девчонки с пистолетом – та стоит и ждёт, пока прочие уберутся. Затем она, не отводя ствола, спиной отходит к двери и исчезает во тьме. В тот же миг продавец хватается за свой обрез и мчится следом. Он стреляет наугад в убегающие тени, но не попадает ни в кого. Он недостаточно проворен. Продавец вопит, ругается, клянётся, что доберётся до этих скотов, но, конечно, понимает, что бессилен, и это злит его ещё больше.

Вернувшись внутрь, он горестно озирает картину разрушения. От магазина осталось пустое место; он не просто ограблен, он выпотрошен – исчезло всё, что не было приколочено намертво. Бандиты, словно стая пираний, оставили от магазина только голый остов.

На полу за прилавком валяется жестянка «Фонда помощи беспризорным». «Да пошли они на...» думает ночной продавец, выгребает всё содержимое и кладёт в свой карман. «Дикари» заслуживают помощи не больше, чем эти грабители-беглецы, и будь он проклят, если оставит им эти денежки. За решётку их всех и порезать на котлеты – по частям от них будет больше пользы. Оставь их целыми – и они развалят всё общество к чертям собачьим!

«Следует ли нам дать больше полномочий Инспекции по делам молодёжи? Да или нет? »

У ночного продавца не остаётся никаких сомнений, за что он будет голосовать.

5. Лев

Эх, зря он согласился и отпустил Коннора одного! Настал полдень, а друга всё не было. Не появился он и вечером, и в течение ночи. Сейчас ранее утро. Коннора нет уже целые сутки, и опасения Льва растут вместе со страхом как за свою жизнь, так и за судьбу Коннора. И почему ему не пришло в голову следовать за Коннором на расстоянии, так чтобы в случае чего он был в курсе? Неопределённость убивает Льва. Он изливает свою досаду, пиная ржавый промышленный сушильный барабан, наполовину утонувший в сорняках, но вынужден остановиться, потому что эта бандура при каждом пинке гудит, как церковный колокол – наверно, за милю слышно. Лев садится на траву в тени сушилки и пытается сообразить, что предпринять. Выбор у него невелик. Если Коннор в ближайшее время не возвратится, Льву придётся отправиться в Огайо одному, найти лавку антиквара, в которой он никогда не бывал, и побеседовать со старухой-хозяйкой о человеке, который исчез задолго до его, Льва, рождения.

– Соня может оказаться ключом ко всему, – говорил ему как-то Коннор. Он рассказал, что отважная старая женщина – одна из активисток Сопротивления – устроила в своём доме убежище для беглецов. Она приютила и их с Рисой. Только в те дни Коннор ещё не знал, что её муж – тот самый Дженсон Рейншильд, учёный, чьи труды в области медицины сделали разборку явью. Человек, начисто вычеркнутый из истории методичными усилиями организации, которую он сам же и создал и которая была призвана не допускать злоупотреблений его технологией.

– Если Соне и вправду известно что-то важное, – спросил Лев во время их долгой поездки из Аризоны, – то почему «Граждане за прогресс» не расправились и с ней тоже?

– Наверно, они не видят в ней угрозы, – ответил Коннор. – А может, не догадываются, что она жива. Вроде как со мной – то ли жив, то ли нет – никто толком не знает...

«Граждане за прогресс» – нельзя сказать, чтобы это название было для Льва обиходным. Однако он о них слышал. Да о них все знают, только никто не обращает внимания. Одна из множества благотворительных организаций, специфика деятельности которых никому в точности не известна. И никто не догадывается об истинных масштабах её власти.

Но несмотря на всё могущество «Граждан за прогресс», в одном можно быть уверенным: они боятся Дженсона Рейншильда. Вопрос: почему?

– Если мы собираемся заварить хорошую кашу, – сказал Коннор, – то начинать надо с Сони!

Что до Льва, то он уже давно сыт по горло этой кашей, она у него уже из ушей лезет. Сначала он превратился в живую бомбу, но опомнился и не стал себя взрывать. После этого он подвергся атаке со стороны пылающих жаждой мести клапперов. Потом попал в уединённый особняк, в общество спасённых от разборки предназначенных в жертву, где с ним нянчились и где ему поклонялись, словно божеству. Затем было поле боя, с которого он, можно сказать, вынес своего самого лучшего и, по сути, единственного друга.

Неудивительно поэтому, что больше всего Льву хочется обычной, нормальной жизни. Он не мечтает ни о славе, ни о власти, ему не нужны ни величие, ни богатство. В разные моменты жизни у него всё это было. Нет, он всего лишь желает ходить, как все, в школу, и волноваться лишь о том, почему к нему цепляется какой-нибудь учитель да как попасть в школьную команду по бейсболу.

Иногда в этих его мечтах о простой и непритязательной жизни присутствует Мираколина – девочка, твёрдо решившая принять разборку, презиравшая Льва и всё, за что он выступал. По крайней мере, вначале. В его теперешних фантазиях он учится с Мираколиной в одной школе. Они вместе работают над классными проектами. Ходят в кино. Целуются на диване в её

гостиной, когда родителей Мираколины нет дома. Она болеет за него на бейсбольных матчах – правда, не слишком шумно, потому что она тихоня по натуре.

Лев не имеет понятия, что с ней сейчас, где она, да и жива ли вообще. А теперь та же неопределённость и с Коннором. Лев давно уже понял, что в состоянии справиться со многим, но ведь всему же есть предел.

Он решает подождать ещё час и только потом что-то предпринимать. В отличие от Коннора, Лев не умеет включать автомобильный двигатель путём соединения проводков напрямую. Собственно, управлять он тоже не умеет, хотя и проделал это один раз, с сомнительным успехом. Ничего не поделаешь, придётся добираться в Огайо «зайцем»; из чего следует, что он должен отправиться в город и найти грузовик, или автобус, или поезд, идущий в нужном направлении. В любом случае, это серьёзный риск. Он нарушил судебное постановление о домашнем аресте, то есть, фактически находится в бегах. Если его поймают, последствия могут быть весьма плачевными.

Лев никак не может решиться оставить Коннора на произвол судьбы, и тут в разгар его метаний на свалку заявляется посетитель. Прятаться бесполезно – его увидели сразу же, как только машина остановилась и из неё вышла женщина. Вместо того чтобы пуститься наутёк, Лев спокойно забирается в трейлер и шарит по ящикам, пока не находит подходящий нож: достаточно внушительный, чтобы нанести чувствительный урон, но не слишком большой – чтобы его можно было спрятать под одеждой.

Лев никогда в жизни ни на кого не нападал. Впрочем, как-то случилось, что он в дикой ярости пригрозил одной супружеской паре бейсбольной битой⁷. Они отдали своего сына на разборку, и часть его мозга вернулась к ним в теле другого мальчика, умоляя родителей о прощении.

Но сейчас совсем другое дело, говорит себе Лев. В настоящий момент речь не о праведном негодовании, а о выживании. Он решает воспользоваться ножом только для самообороны.

Выйдя из трейлера, Лев задерживается на порожке у двери, потому что знает: так он кажется выше ростом. Гостья стоит шагах в десяти, переминаясь с ноги на ногу. На вид ей лет двадцать с небольшим; высокая и чуть-чуть полноватая. Лицо покраснело от солнца, наверно, потому что она разъезжает в кабриолете – старом «тандербёрде», техническое состояние которого слишком плачевно для автомобиля, считающегося классикой. На лбу у девушки ссадина.

– Это частная собственность, – набравшись наглости, заявляет Лев.

– Не твоя, – возражает гостья. – Здесь хозяин Вуди Биман, но он уже два года как помер.

Лев вдохновенно врёт:

– А я его кузен. Мы унаследовали это место. Папа сейчас в городе, нанимает погрузчик, чтобы убрать весь этот хлам и очистить территорию.

Но гостья вдруг произносит:

– Коннор не говорил, что это ты. Сказал, что здесь у него друг. Он должен был сказать мне, что это ты!

Кажется, врать дальше нет смысла.

– Вас послал Коннор? Где он? Что произошло?

– Коннор говорит, чтобы ты уходил без него. Он останется у нас, в Хартсдейле. Я никому не скажу, что видела тебя здесь. Так что ты можешь уходить.

Тот факт, что Коннору удалось передать ему сообщение, немного успокаивает Льва. Но само сообщение какое-то бессмысленное. Это явно сигнал тревоги. Коннор в беде.

– У кого это – «у нас»?

Гостья качает головой и ковыряет землю носком туфли, как маленькая.

⁷ Автор ошибся: Лев грозил родителям СайФая лопатой.

– Нельзя рассказывать. – Она вглядывается в Льва, щурясь на солнце. – А ты всё ещё можешь взорваться?

– Нет.

Девушка пожимает плечами.

– Ну да, конечно. Ладно, я обещала передать тебе, я и передала. А сейчас мне нужно идти, пока брат не обнаружил, что меня нет. Приятно было познакомиться, Лев. Ты же Лев, правда? Лев Колдер?

– Гаррити. Я сменил фамилию.

Она одобрительно кивает:

– Понятно. Ясное дело, тебе не хочется иметь ничего общего с семьёй, которая вырастила тебя, чтобы отдать на разборку. – Девушка поворачивается и решительно топает к машине.

Сначала Лев собирается устремиться за ней, сказать, что он тоже хочет остаться в Хартсдейле; но даже если девушка и поверит ему, в автомобиль лучше не соваться. С Коннором неладно; не хватает ещё и ему, Льву, влипнуть в неприятности по своей собственной глупости.

Вместо этого Лев торопится к старому школьному автобусу и забирается на капот, потом на крышу, лавируя между проржавевшими насквозь участками. С этого наблюдательного пункта он видит, как взмывается пыль из-под колёс «тандербёрда», пока машина не сворачивает налево на асфальт. Лев провожает её взглядом до того момента, когда она исчезает по направлению к Хартсдейлу. Теперь юноша может отправиться в городок и бродить по улицам, пока не найдёт приметный автомобиль.

Может, Коннор и хочет, чтобы Лев ушёл без него, но Коннору следовало бы лучше знать своего друга.

ПЛАТНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА

Моя бабушка не любит говорить об этом, но она помнит времена, когда на улицах горели автомобили, а решётки на окнах не обеспечивали безопасности. Она помнит, как дикие подростки терроризировали окрестности, и никому не было от них спасения.

И вот теперь история повторяется. Параграф-17 выпустил на улицы тысячи неисправимых семнадцатилетних хулиганов и установил серьёзные возрастные рамки, которых должны придерживаться родители, решившие отдать детей на разборку.

На прошлой неделе одного мальчика в моём квартале закололи ножом по дороге в школу. Боюсь, я могу оказаться следующим.

Звоните и пишите вашему представителю в Конгрессе уже сегодня! Скажите ему, что выступаете за пересмотр Параграфа-17. Сделайте улицы наших городов безопасными для таких детей, как я!

– *Спонсор: «Матери против плохого поведения».*

Лев пускается на разведку. Стоит обжигающая жара. Он прячет лицо, но смотрит в оба. «Тандербёрд», как заметил наблюдательный юноша, был грязен – значит, стоит не в гараже, а на всех ветрах; вот только Хартсдейл, в отличие от большинства американских городов, кварталы

которых представляют собой более или менее ровные квадраты, оказался крысиным лабиринтом, и систематическое прочёсывание улиц здесь – задача не из лёгких.

К двум часам пополудни Лев доведён до такого отчаяния, что решается на контакт с местным населением. Набравшись духу, он заходит в магазин при заправке и покупает бейсболку и пачку жевательной резинки. Шапку он натягивает так, чтобы как можно больше прикрыть лицо, а несколько пластинок резинки жуёт до тех пор, пока не уходит весь сахар, после чего налепляет жвачные валики на верхнюю и нижнюю дёсны. Это изменяет форму его рта, но лишь слегка, в рамках нормального. Возможно, страх быть узнанным доходит у Льва до паранойи, но, как говорят беглецы, «лучше побережься, чем под нож улечься».

Утром он проходил мимо «Соника» – кафешки, в которой симпатичные официантки на роликах развозят заказы по парковке. Если кто и знает все автомобили в этом захолустье наперечёт, то это девчонки из «Соника». Вот туда он сейчас и направляется.

Лев подходит к окошку для пешеходных покупателей и просит бургер и слаши⁸, пытаясь говорить с южным акцентом. Немного перестарался – такое впечатление, что он откуда-то с очень далёкого Юга, а не из Канзаса, но это лучшее, на что он способен.

Получив свой заказ, Лев присаживается у стола снаружи и вперяется глазами в девушку-официантку, сидящую за соседним столом. Та строчит эсэмэску, пользуясь перерывом между заказами.

– Привет, – говорит Лев.

– Привет, – отзывается она. – Жарища, да?

– Ещё пяток градусов – и у меня на ладони можно будет яичницу жарить.

Это замечание заставляет девушку улыбнуться и взглянуть на собеседника. Лев легко разгадывает её мысли по тому, как меняется выражение её лица: «Нездешний. А он ничего. Хотя слишком молодой. Дописать эсэмэску».

– Ты не могла бы мне помочь? – спрашивает Лев. – Вчера я тут видел одну машину с надписью «продаётся» – стояла припаркованная на дороге; а сегодня не могу её найти.

– Так может, продана? – предполагает она.

– Надеюсь, что нет. Ты понимаешь, я через пару месяцев получу права. Ну и надеялся забрать себе этот «тандербёрд». Зелёный кабриолет. Знаешь?

Она ещё несколько секунд жмёт на кнопки, потом отвечает:

– Единственный зелёный кабриолет в округе у Арджента Скиннера. Если он его продаёт, то, должно быть, у него совсем плохи дела.

– А может, он собирается купить что-нибудь получше. Она издаёт скептический смешок, и Лев изображает завлекательную улыбку своими слегка подпухшими губами. Девушка некоторое время пересматривает свои выводы относительно Льва, но в конце концов решает, что даже несмотря на водительские права паренёк для неё слишком юн.

– Он живёт на Сагуаро-стрит, – говорит она, – в двух кварталах от «Королевы сливок»⁹.

Лев благодарит её и, прихватив бургер со слаши, пускается в путь. Если создастся впечатление, что он чересчур нетерпелив, это лишь сыграет ему на руку.

Сегодня утром он уже проходил мимо «Королевы сливок», так что точно знает, куда идти. Вот и нужный угол... Но вдруг Лев слышит шум, которого никак не ожидаешь в таком забытом Богом месте, как Хартсдейл – ритмичный грохот вертолётных лопастей.

Вертолёт ещё не прибыл, а на улицу уже стремительно въезжает вереница полицейских экипажей. Сирены не включены, но скорость говорит сама за себя. Да тут не меньше десятка машин! Инспекторы по делам несовершеннолетних, и чёрно-белые дорожно-патрульные, и

⁸ Напиток из колотого льда и фруктового сока.

⁹ Dairy Queen – сеть кафе-мороженых.

автомобили без опознавательных знаков. Вертолёт начинает описывать круги теперь уже прямо над головой, и у Льва холодеет в солнечном сплетении.

Он не следует за машинами; боясь быть замеченным, Лев подбирается к месту действия с проулка, прокладывая путь по задним дворам. И вот он смотрит между досками штакетника на неухоженный дом в фермерском стиле, который, по всей видимости, силы блюстителей порядка собираются взять в кольцо.

Дом, на подъездной дорожке которого стоит зелёный «тандербёрд» с откидным верхом.

6. Коннор

Утром того же дня Арджент спускается в подвал с телевизором и вставляет вилку в розетку, к которой подключена болтающаяся под потолком одинокая лампочка.

– Прямо квартира со всеми удобствами! – жизнерадостно возвещает он Коннору.

Должно быть, Арджент смотрел скверное «мыло» и рекламу всю ночь напролёт, потому что просыпается он поздно – Грейс уже успела передать Леву сообщение и вернуться обратно.

Сейчас, спускаясь в подвал за спиной брата, Грейс подаёт пленнику тайный знак: ведёт рукой вдоль рта, словно закрывая его на «молнию».

Маленький телевизор ловит слабый беспроводной сигнал из дома, так что пытаться что-либо по нему смотреть – только нервы портить.

– Я придумаю, как его наладить, – обещает Грейс.

– Спасибо, Грейс, я был бы очень признателен. – На самом деле Коннору телевизор до лампочки; главное – показать Грейс, что он ценит девушку больше, чем её родной брат.

– А на фиг, – вмешивается Арджент. – Чтобы смотреть видео, не нужны ни сигнал, ни кабель.

По расчётам Коннора, он в плену уже около суток. Хорошо, если Лев двинулся дальше без него. Лавка антиквара неподалёку от старшей школы в Акроне, где они разлучились в первый раз. Этих сведений Леву должно быть достаточно для поисков.

Арджент, позвонивший на работу и сказавшийся больным, проводит первую половину дня, демонстрируя Коннору свои любимые видики, свою любимую музыку, словом, выкладывает ему всю душу.

– Ты отстал от жизни, – разглагольствует Арджент, – значит, надо просветить тебя насчёт последних тенденций.

Как будто Коннор последние два года под камнем пролежал, честное слово.

Киношные интересы Арджента склоняются в сторону насилия. Его музыкальные увлечения тяготеют к диссонансам. Коннору довелось видеть столько реального насилия, что поддельное его больше не увлекает. Что до музыки, то отношения с Рисой значительно расширили его горизонты.

– Как только выпустишь меня из этой ямы, – обещает Коннор своему тюремщику, – я познакомлю тебя с такими банд... бэндами, что сдохнешь.

Арджент помалкивает. Со вчерашнего дня Коннор роняет по временам замечания о том, чем бы они могли заняться вместе. В смысле, как приятели. Коннор подозревает, что какие бы временные рамки ни наметил Арджент для «обращения» своего пленника в друга, поворотный пункт, судя по всему, ещё не достигнут. До этого момента всё, что бы Коннор ни сказал, будет казаться подозрительным.

Арджент уходит по каким-то делам, оставив пленника на попечении Грейс; и та тут же приносит пластиковую шахматную доску, расставляет фигуры.

– Ты же умеешь играть, правда? – спрашивает Грейс. – Просто называй ход, и я передвину фигуру.

Коннору эта игра знакома, правда, у него никогда не доставало терпения научиться стратегии. Однако он не станет отказывать Грейс.

– Классическое начало Каспарова, – сообщает она после четырёх ходов. Вся её низкокортикальность куда-то вдруг подевалась. – Но оно ничто против сицилийской защиты.

Коннор вздыхает:

– Только не говори мне, что тебе вживили Невро-Ткань.

– Чёрта с два! – гордо произносит Грейс. – Мозги у меня самые что ни на есть свои собственные. Просто я хорошо играю в разные игры. – И она за какие-то несчастные пять минут растирает Коннора в порошок.

– Прости, – говорит Грейс, устанавливая фигуры для второй партии.

– Никогда не извиняйся за победу.

– Прости, – повторяет Грейс. – Не за победу, а за то, что я за неё извинилась.

В течение следующей игры Грейс досконально анализирует каждый ход, растолковывая Коннору, как он должен был пойти и почему.

– Ты только не волнуйся, – говорит она, съедая Коннорова ферзя слоном, невинно прятавшимся у Коннора прямо перед глазами. – Морфи тоже допустил такой промах в партии с Андерсоном и всё равно выиграл.

Коннору не везёт так, как Морфи. Грейс опять размазывает его по стенке. Собственно, он был бы разочарован, если бы этого не случилось.

– Кто научил тебя так играть?

Она пожимает плечами.

– Да просто играла против своего телефона, всё такое. – Помолчав, она добавляет: – Я не могу играть с Арджентом. Когда я выигрываю, он бесится, а когда он выигрывает, то злится ещё больше – понимает, что я поддаюсь.

– Ещё бы ему не понимать, – бурчит Коннор. – Только не вздумай поддаваться мне!

– Не буду! – с улыбкой заверяет его Грейс.

Она уходит и возвращается со старомодной доской для трик-трака¹⁰. Этой игры Коннор не знает, значит, Грейс предстоит его научить. Объяснения даются девушке нелегко, но её собеседник быстро схватывает суть.

Они проводят уже вторую партию, когда возвращается Арджент и одним пальцем ударяет по доске. Та схлопывается, коричневые и белые шашки разлетаются во все стороны.

– Чего ты привязалась к человеку! – напускается он на Грейс. – Не нужны ему твои дурацкие игры!

– А вот и нужны, – возражает Коннор, сопроводив свои слова дружеской улыбкой, ради которой ему приходится собрать все свои душевные силы.

– Не-а. Грейс просто хочет выставить тебя глупее, чем она сама. А вообще – ну ни на что не годна, тупица. Как-то были в Лас-Вегасе, так она ни разу не выиграла.

– Карты считать – это не моё, – надувшись, ворчит Грейс. – У меня только стратегии хорошо получаются.

– Фиг с ним, у меня тут кое-что получше, чем настольные игры. – И Арджент показывает Коннору старинный стеклянный бонг¹¹.

– Арджи! – пугается Грейс. – Это же прадедушкин кальян! Не трогай!

– Это ещё почему? Он теперь мой. Чего развопилась?

– Но это же старина!

– Старина уже давно в гробу, – возражает Арджент, опять понимая всё на свой лад. На этот раз Коннор его не поправляет.

– Хочешь курнуть транка? – спрашивает Арджент.

– Я в своей жизни уже натранкился по самое не могу, – отзывается Коннор. – Не хватает ещё курить эту дрянь.

– Э-э, нет, вот увидишь – когда куришь транк, эффект совсем другой! Тебя не вырубают, а... *заворачивает*.

¹⁰ Эту игру в России обычно называют «нарды».

¹¹ Бонг – большая стеклянная трубка для курения марихуаны или гашиша, род кальяна. Похожа на химическую колбу с носиком-мундштуком.

Он достаёт красно-жёлтую капсулу – из тех, что используют в транк-дротиках, с самым слабым действием – и кидает её в колбу, куда уже напихана изрядная порция каннабиса.

– Да давай, тебе понравится! – говорит он и поджигает смесь.

Коннор в своё время отдал дань подобным забавам – давно, ещё до того, как попал под раздачу. С тех пор, как за ним стали охотиться власти, у него появились забавы повеселей, и они отбили ему вкус к дури.

– Я не буду.

Арджент вздыхает:

– Ладно, придётся признаваться. Понимаешь, я всегда фантазировал о том, как транканусь вместе с Беглецом из Акрона и мы с ним пойдём нести всякую глубоко духовную хрень. Ну вот, ты здесь, так что давай!

– Арджи, мне кажется, он совсем не хочет это курить!

– Не твоё дело! – отрезает Арджент, даже не взглянув на сестру. Он затягивается из бонга, потом суёт мундштук Коннору в рот и зажимает ему нос, так что пленнику ничего не остаётся, как втянуть в себя дым.

Физиологическая реакция не заставляет себя ждать. Через несколько секунд Коннору начинает казаться, что его уши скручиваются трубочками. Голова кружится, а земная гравитация, похоже, несколько раз меняет своё направление.

– Ну как?

Коннор не удостоивает подонка ответом. Вместо этого он бросает взгляд на Грейс, беспомощно сидящую на мешке с картошкой. Арджент затягивается ещё раз и снова принуждает Коннора к тому же.

Мозги Коннора потихоньку разжижаются, и к нему приходят воспоминания о его жизни до всей этой заварухи. Он почти что слышит, как родители орут на него и как он орёт им в ответ. Тогда, в сонном посёлке в Огайо, он вёл себя далеко не примерным образом. Чего он только не пробовал – как законного, так и незаконного – лишь бы притупить недовольство жизнью.

В Ардженте он до некоторой степени узнаёт прежнего себя. Неужели он, Коннор, тоже был такой скотиной? Нет, не может быть. К тому же, он перерос эту стадию, а Арджент так на ней и застрял. Ему сейчас около двадцати, а он всё никак не вырастет, валяется в грязной луже, не видя, не ощущая, как лужа постепенно превращается в трясины и затягивает его. Злость, которую Коннор чувствует к своему тюремщику, растворяется в его разжиженном сознании и преобразуется во всеохватную жалость.

Арджент затягивается ещё раз, и его *ведёт*.

– Во, чувак, забирает!

Он ословело таращится на Коннора. Глаза у того повлажнели – сказывается сочетание транка и дури. Коннор знает, что это из-за нахлынувших воспоминаний, но Арджент воображает, что это признак установившейся между ними трансцендентной связи.

– Мы с тобой единое целое, Коннор, – втолковывает он. – Ты тоже так думаешь, ведь правда? Я мог бы быть тобой. Я всё ещё могу стать тобой! – Он принимается хихикать. – Мы оба можем стать тобой – вместе.

Его хихиканье заразно. Коннор вдруг обнаруживает, что тоже бесконтрольно трясётся от смеха. Арджент заставляет его затануться в очередной раз.

– Не, я должен тебе это показать, – говорит Арджент. – Ты точно обозлишься, но я должен!

Он вытаскивает телефон и показывает один из вчерашних снимков, на которых запечатлены они с Коннором.

– Скажи, класс, а? Я выложил его на Фейслинке!

– Ты... что?!

– Ой, да подумаешь! Это ж только для моих друзей и всё такое. – Арджент опять хихикает. Коннор тоже хихикает. Арджент ржёт, и Коннор вдруг ловит себя на том, что тоже истерически хохочет.

– Ты хоть врубаешься, какая это капитальная лажа, Арджент?

– Врубаюсь! Ха-ха!

– Не-а, не врубаешься. Власти, Арджент. Инспекция по делам молодёжи. Они же постоянно мониторят Сеть – отслеживают лица.

– Ну да, специальными ботами...

– Они скоро все слетятся сюда, к этому дому. Меня заберут. А вам обоим впаяют от пяти до десяти за... – Коннор не может совладать с приступом смеха: – ... за укрывательство и помощь преступнику!

– О-ой, это плохо, Арджи! – скулит в углу Грейс.

– Тебя никто не спрашивает! – гаркает братец. Даже под кайфом его обращение с сестрой не изменилось.

– Нам надо валить отсюда, Арджент, – настаивает Коннор. – Уходить прямо сейчас! Мы теперь оба будем в бегах.

– Да ну? – До Арджента всё ещё не доходит.

– За нами будут охотиться – и за тобой, и за мной.

– Правильно! Развалим эту карусель к чертям!

– Ты был прав, это судьба.

– С-судьба.

– Арджент и Беглец.

– А и Б!

– Но сначала ты должен развязать меня!

– Развязать...

– Арджент, пожалуйста! У нас нет времени!

– Я точно могу тебе доверять?

– Ты ещё сомневаешься? Мы же только что с тобой транковали вместе!

Этот аргумент оказывается решающим. Арджент кладёт бонг на пол, заходит Коннору за спину и развязывает узлы. Коннор сгибает-разгибает пальцы и крутит затёкшими плечами. Он не может разобраться, от чего у него онемели руки – от верёвок или от транка.

– Так, и что теперь? – спрашивает Арджент.

Коннор отвечает ему стеклянной колбой по башке. Бонг попадает Ардженту в скулу и разбивается; острые края вспарывают левую половину его лица по крайней мере в трёх местах. Ноги парня подкашиваются, и он со стоном валится на земляной пол, где и остаётся лежать в полубессознательном состоянии, не в силах подняться. С искромсанной физиономии ручьями льётся кровь.

Грейс ошеломлённо таращится на Коннора:

– Ты разбил прадедушкин бонг...

– Да знаю, знаю.

Девушка не делает попытки помочь брату. Вместо этого она смотрит на Коннора, не уверенная, то ли угодила в новые неприятности, то ли избавилась от старых.

– Это правда, что ты сказал – что к нам скоро нагрянет полиция? – спрашивает она.

Коннору нет нужды отвечать. Потому что снаружи доносится визг автомобильных шин и ровное биение вертолётных лопастей.

7. Грейс

Грейс Элинон Скиннер так же боится смерти, как и любой другой человек. Но боли она боится ещё больше. Когда-то, много лет назад, они отдыхали в аквапарке, и Арджи заставил её взобраться на самую верхнюю платформу вышки для ныряния. Грейс растратила всю свою волю, собираясь с духом ради всяких пустяков типа водной горки и прочего в этом роде, так что когда она залезла на десятиметровую вышку, обнаружилось, что сил у девочки совсем не осталось. Бассейн под ней казался крохотным и до него было очень, очень далеко. Если ударишься о воду, будет страшно больно. Грейс стояла на краю бетонной площадки, поджав от страха пальцы, а Арджи подначивал её снизу.

– Ну что, слабо, Грейси? – вопил он как можно громче, чтобы всем было слышно. – Кончай раздумывать, просто прыгай!

Другие ныряльщики за спиной девочки уже подняли нетерпеливый шум.

– Грейси, да прыгай же! Все уже задолбались ждать! – орал брат. В конце концов Грейс ретировалась и с позором слезла с вышки по перекладинам.

То же самое чувство охватывает её и сегодня. Только угроза куда более серьёзная. На память ей приходят давние слова Арджи: «Кончай раздумывать, просто прыгай!» И на этот раз она следует его совету.

Она толкает дверь подвала и выскакивает в ослепительный день. «Это игра, – твердит она себе. – А в играх я всегда побеждаю!»

Снайперы во дворе замечают её не сразу – их прицелы направлены на жилое строение, тогда как штормовое убежище расположено в дальнем углу двора. Пока что в дом ещё никто не ворвался. Силы правопорядка разворачиваются снаружи.

– Не стреляйте! Не стреляйте! – кричит Грейс, выбегая на заросший сорняками газон и отвлекая на себя внимание снайперов. Немедленно все стволы направляются на неё. И заряжены они, как понимает Грейс, отнюдь не транком.

– Не стреляйте! – повторяет она. – Идите сюда! Он здесь. Не стреляйте!

– Лечь на землю, – следует команда. – Лицом вниз, немедленно!

Ага, как же. Первое правило: не позволяй себя поймать, если только это не служит твоим целям.

– Сюда! Идите за мной!

Грейс разворачивается и бежит обратно к убежищу, размахивая руками. Одной половиной своего сознания она ожидает, что сейчас её подстрелят, однако выигрывает другая половина – винтовки снайперов молчат. Девушка слезает по ступенькам вниз и ждёт. В следующее же мгновение на лестнице показываются спецназовцы – прикрывают друг друга, целятся в Грейс и в полумрак подвала, словно десантники на вражеской территории. И хотя сердце девушки едва не разрывается, она сдерживает крик и спокойно произносит:

– Уберите пушки. Он не вооружён.

Спецназовцы, однако, не торопятся выполнить её просьбу, продолжая прикрывать сходящего следом за ними по ступенькам офицера.

– Я знала, что это добром не кончится! – обращается к нему Грейс. – Я говорила Арджи, но он меня и слушать не хотел!

Офицер меряет Грейс взглядом – быстро, снисходительно, впрочем, как и все люди. Ему ясно – она низкоротикальная. Он похлопывает девушку по плечу:

– Вы поступили правильно, мисс.

В подвал спускаются другие офицеры, так что в тесном помещении негде повернуться.

Они видят привязанную к столбу поникшую фигуру в полубессознательном состоянии. Старший офицер хватается узника за волосы, вздёргивает его голову вверх и заглядывает в лицо.

– Что за чёрт, это ещё кто такой?

– Это мой брат Арджент, – отвечает Грейс. – Я говорила ему не тибрить из супермаркета! Предостерегала, что попадётся и тогда ему несдобровать. Я его вырубил и привязала к столбу. Пришлось хорошенько ему приложить, а то полез бы под пули. Он не сопротивляется, видите? Вы же не сделаете ему больно, правда? Правда? Обещайте мне, что не сделаете ему больно!

От недавней снисходительной мягкости в офицере ничего не осталось. Он со злобой взирал на Грейс:

– Где Лэсситер?

– Кто?

– Коннор Лэсситер! – Офицер показывает ей фотографию Арджента с Беглецом из Акрона – наверно, ту самую, которую её братец выложил в Сеть.

– Ах, это... Арджи сделал её на компьютере. Хотел разыграть друзей. Правда, совсем как настоящая?

Блюстителю порядка переглядываются. Старшего офицера ответ Грейс ни в малейшей степени не удовлетворяет.

– Так я и поверил!

Грейс трясёт брата за плечо:

– Арджи, ну скажи им!

Она ждёт. Арджи, может, и недотёпа, но инстинкт самосохранения у него работает будь здоров. «Помощь и домогательство» – или как там его Коннор называл – преступление серьёзное. Но только в том случае, если тебя уличат.

Налитые кровью глаза Арджента мечут в Грейс молнии. Он излучает такую братскую ненависть, что, пожалуй, убил бы сестру, если бы его развязали.

– Это правда, – хрипит он. – Я её сфотошопил. Для корешей на Фейслинке.

Это совсем не то, что офицеру хотелось бы услышать. Коллеги пересмеиваются за его спиной.

– Ну ладно, – говорит командир, пытаясь спасти лицо. – Отвяжите этого и отправьте в больницу, а сами обшарьте весь дом – на всякий случай. Найдите оригинальный файл. Отдадим его на экспертизу.

Спецназовцы разрезают верёвки и выволакивают Арджи из подвала. Братец не жалуется, не сопротивляется и не смотрит на Грейс.

Все ушли, кроме одного из местных полицейских – тот задерживается у склада продуктов.

– Ух ты! Ничего себе натырил!

– Значит, вы его всё-таки арестуете?

Коп неожиданно смеётся:

– Не сегодня, Грейси.

И тут она узнаёт его – они вместе ходили в школу. Он тогда вечно дразнился, но сейчас, похоже, повзрослел. Во всяком случае, направил свои дурные наклонности в верное русло.

– Спасибо, Джои, – отвечает она, припомнив его имя (или, во всяком случае, надеясь, что помнит его правильно).

Ну давай же, проваливай, думает Грейс, но коп снова осматривается вокруг, впиваясь взглядом в нагромождение съестных припасов.

– Слушай, на черта вам столько картошки?

Грейси отвечает не сразу. Она пожимает плечами:

– А что? Картошка как картошка. Всегда пригодится.

– Иногда картошка действительно просто картошка, а иногда... – Джои выхватывает пистолет, не сводя глаз с большой кучи мешков. – А ну, Грейси, отойди-ка в сторонку.

8. Коннор

Полицейский всего лишь смутно подозревает о присутствии Коннора, по-настоящему он в это не верит. Само собой, насчёт Грейс он не сомневается – у той ума не хватит укрывать беглого, да и не смогла бы она так здорово разыграть всю эту комедию. Но если он всё же найдёт Лэсситера, то, скорее всего, просто застрелит его на месте, потому что убить Беглеца из Акрона так же почётно, как и захватить живьём. У Коннора только одно преимущество – неожиданность, но стоит ему обнаружить себя – и преимуществу конец. Поэтому как только полицейский начинает лапать мешки с картошкой, Коннор делает свой ход: резко выныривает из мешка, в котором прячется, хватая Джои за лодыжки и дёргает на себя. Земля уходит у копа из-под ног.

Он вскрикивает от неожиданности, его пистолет, который он, по-видимому, держал не так крепко, как подобает крутому блюстителю порядка, отлетает к стенке, и к нему тут же бросается Грейс. Полицейский грохается прямо в штабель бутылок с водой, и те, подпрыгивая, раскатываются по всему подвалу.

Коннор, продолжающий крепко сжимать в объятиях лодыжки полицейского, даёт единственный подходящий к данным обстоятельствам комментарий:

– Классные носки!

Грейс стоит над ними, целясь из пистолета копу в грудь.

– Молчать и не двигаться – продырявлю!

– Грейси, не надо! – Джои пытается задобрить её и таким путём выпутаться из неприятностей. – Ты же не хочешь застрелить старого товарища, правда?

– Заткнись, Джои! Я сама знаю, чего хочу, а чего не хочу. Вот сейчас, в этот самый момент, я хочу видеть тебя без одежды.

– Чего?!

Коннор разражается смехом, сразу поняв, что у Грейс на уме.

– Ты слышал! Желание дамы – закон. Показывай стриптиз!

Коннор выбирается из своего мешка и тоже раздевается, а потом натягивает на себя полицейскую форму. Вообще-то, он думал, что будет сам руководить своим побегом, однако сейчас с готовностью уступает эту роль Грейс. Коннор в восхищении от её действий; а, как когда-то говорил ему Адмирал, «настоящий лидер, вместо того чтобы выпячивать собственное эго, позволяет ценным кадрам самим проявить себя». Надо признать: Грейс Скиннер – кадр наивысшей ценности.

– Во что играем, Грейс? – спрашивает Коннор, натягивая брюки полицейского.

– В то, во что выиграем, – просто отвечает она, а затем обращается к копу: – Рубашку тоже.

– Грейс...

– Закрой пасть, а то нашпиговую тебя свинцом!

Коннор прыскает: Грейс, видно, насмотрелась низкопробных гангстерских фильмов.

– Собственно говоря, пули уже давно делают не из свинца. Уже не говоря о керамических, которыми стреляют в клапперов.

– Ну да, ну да. Ты тоже закрой пасть, умник!

Полицейский инспектор Джои, оказывается, носит простые серые семейники, выдавшие лучшие дни. Труссы болтаются где-то под бледным животом, который тоже видал лучшие дни – рельефные «кубики» времён старшей школы преобразовались в кругленькое пивное брюшко.

– Грейси, неужто ты бежать надумала? Ты же никогда носа не высовывала из Хартсдейла. А этот тип бросит тебя при первой же возможности. И что тогда?

– Тебе какое дело?

– Будь добр, стань спиной к столбу, – просит Коннор.

Он туго-натуго привязывает пленника. Грейс, однако, поднимает с пола острый осколок разбитого бонга и суёт его в скрученные руки полицейского, чтоб он мог постепенно разрезать верёвки.

– Ты отдаёшь себе отчёт, что как только я освобожусь, они все сразу же бросятся за вами? Грейс мотает головой.

– Не-а. Как только ты освободишься, ты сразу же кинешься вверх по лестнице и в кусты.

– Это ещё почему?!

– Да потому – будешь прятаться, пока все не уберутся отсюда. После чего быстренько пошлёпаешь на парковку к супермаркету, где заберёшь свою машину – мы оставим её там вместе с ключами и всем прочим. А потом вернёшься к работе, как будто ничего не случилось; и если сотрудники станут расспрашивать, где тебя носило, то будешь отвечать, что ходил на ланч.

– Ты что, совсем спятила? С какой стати мне это делать?!

– А с такой, – отвечала Грейс, – что если ты не будешь держать язык за зубами, весь Хартсдейл узнает, что тебя обвела вокруг пальца старая глупая Грейс Скиннер, и над тобой будут хохотать до второго пришествия, которое наступит ещё очень не скоро!

Коннор только улыбается, видя, как физиономия копа багровеет, а губы сжимаются в тонкую злую щель.

– Ах ты сука недоделанная! – ревёт Джои.

– За такие слова надо бы отстрелить тебе нос, – говорит Грейс, – но я не буду, потому что я не то, чем ты меня назвал.

Коннор нахлобучивает шляпу Джои себе на голову.

– Извини, приятель. Похоже, тебя оставили с носом.

9. Лев

Это всего лишь догадка. И если он неправ, то быть беде. И всё же он решается прислушаться к интуиции. Может, и зря, но он отчаянно нуждается в том, чтобы его вывод оказался верен. Потому что если это не так, значит, Коннору конец.

К догадке его подводит целая серия наблюдений:

– тот факт, что полицейский инспектор появляется из-за дома, а не выходит через парадную дверь;

– тот факт, что он, кажется, намеренно избегает общества других офицеров;

– тот факт, что его шляпа, надвинутая низко на лоб, затеняет лицо наподобие сомбреро;

– то, как он ведёт задержанную женщину – ту самую, что передала Леву сообщение – не тащит за собой, крепко ухватив за локоть, а бережно провожает к полицейской машине, стоящей у поребрика; и Лев может поклясться, что женщина тоже ведёт себя как-то не так. Она не только не сопротивляется, но даже вроде бы совсем не против поскорее нырнуть в машину.

Ну и, наконец, то, как офицер идёт: скованно, с прижатой к боку рукой, словно у него что-то болит. Скорее всего, рана в груди.

Парочка залезает в машину, и та трогается с места. Хотя у Льва не получается рассмотреть лицо офицера, догадка пульсирует в его мозгу на всех частотах. И лишь после того, как патрульный автомобиль уезжает, Льву удаётся убедить себя, что, конечно же, это был переодетый Коннор, элегантно ускользнувший между пальцев блюстителей закона.

Значит, так: когда машина доедет до угла, ей придётся повернуть направо, на главную улицу. Лев благодарит судьбу за то, что утром облазил весь городишко; без этого он не знал бы того, что знает сейчас, а именно: на главной улице ведутся широкомасштабные дорожные работы, и поэтому весь транспорт направляется на Кипарисовую, в двух кварталах отсюда. Если Лев срежет дорогу напрямик, через жилые участки, то он сможет попасть туда раньше Коннора. И юноша, не теряя времени даром, срывается с места, зная, что счёт идёт на секунды.

Первые дворы не разделены оградой; различить, где один участок сменяется соседним, можно по состоянию газона: в первом дворе трава аккуратно подстрижена, во втором брошена на произвол сорняков. Всего пара мгновений – и Лев уж на той стороне улицы; дальше – опять дворы. Палисадник первого из них огорожен невысоким штакетником, так что юноше не составляет труда перемахнуть через него. Он оказывается посреди участка, покрытого искусственным газоном причудливого аквамаринового оттенка.

– Эй, ты что творишь?! – вопит с крыльца хозяин с накладкой на темени, такой же искусственной, как и его газон. – Это частная собственность!

Не обращая на него внимания, Лев бежит мимо дома дальше, в глубину, где его поджидает действительно солидное препятствие: деревянный забор шести футов в высоту, отделяющий один задний двор от другого. По другую сторону забора мечется и лает пёс. Судя по голосу, собачка отнюдь не чихуахуа.

«Не думай об этом!», – приказывает себе Лев, переваливая через верхний край забора, и спрыгивает вниз. Он приземляется рядом с громадной немецкой овчаркой, оторопевшей от неожиданности, однако не прекратившей бешено лаять. Замешательство пса даёт Леву преимущество. Он мчит дальше и, сходу проскочив через калитку, выбегает в палисадник, который хозяин замостил не требующими особого ухода речными камешками.

Вот она, Кипарисовая. Движение здесь куда интенсивнее, чем обычно, когда основной поток шёл по перекрытой теперь главной. Лев видит полицейский автомобиль, с возрастающей скоростью несущийся по направлению к нему. Остаётся последнее препятствие – густая живая изгородь, такая высокая, что преодолеть её будет непросто. «Вот глупо получится, – думает Лев, – если после всех усилий я погорю из-за каких-то дурацких кустов!» Он взлетает над

изгородью, но инерция несёт его слишком далеко, а на улице нет тротуаров. Лев падает на асфальт прямо под колёса мчащегося на полной скорости полицейского автомобиля.

10. Коннор

– И надо же им было затеять дорожные работы именно сегодня!

Нервы Коннора на пределе. А вдруг в этой дорожно-ремонтной толчее кто-нибудь заглянет в их машину и увидит, что он вовсе не инспектор Джои?

– Это не только сегодня, – возражает Грейс. – Они роются тут уже несколько недель, меняют канализационные трубы. Воняет, хоть святых выноси.

Коннор проявлял всяческую осторожность, стараясь не сбивать дорожные конусы и избегая встречаться глазами с рабочими. Следуя стрелкам, показывающим направление объезда, он выехал на Кипарисовую и теперь вдавливая педаль газа в пол. Плевать на ограничение скорости. Кто осмелится остановить полицейскую машину?

И тут внезапно прямо под колёса прыгает какой-то пацан. В голове Коннора мгновенно вспыхивает картинка – проклятый страус. Вот только сейчас, кажется, последствия будут хуже, это тебе не какая-то дохлая птичка. Коннор жмёт на тормоз, их с Грейс бросает вперёд. Слышен тяжёлый удар – парнишка, бросившийся под колёса, бьётся о передний бампер. Машина наконец останавливается, к счастью, без рывка вверх, свидетельствующего о том, что она заехала на пацана. Значит, они только сбили беднягу, не переехав его. Впрочем, что с того? Влупили-то они ему здорово.

– О-ой, это плохо, Арджи! – говорит Грейс, не замечая, что называет Коннора именем брата.

Коннору приходит мысль, а не придавить ли газ да смыться отсюда, но он тут же отбрасывает её. Он не может так поступить. Больше не может. В его душе выросло теперь нечто большее, чем примитивное стремление выжить. Он выходит из машины, чтобы узнать, насколько плохо обстоят дела, и заключает договор со своим инстинктом самосохранения: если пацан мёртв, тогда Коннор рванёт отсюда и прибавит ещё одно преступление к своему длинному послужному списку; жертве аварии всё равно не поможешь, нечего вдобавок ещё и собственной жизнью рисковать. Но если пацан жив, то Коннор останется, пока не придёт помощь. Поймают – значит, поймают, так тому и быть.

Фигура, распростёртая на дороге, издаёт стон. Коннор выдыхает с облегчением – парень жив – но его тут же охватывает страх: и что теперь? А в следующий момент его словно ударяет по голове, и он забывает о страхе – настолько велико его потрясение, когда он узнаёт сбитого.

Лицо Льва искажено от боли.

– Это действительно ты, – произносит он. – Я так и знал!

Сказать, что Коннор потерял дар речи – значит ничего не сказать.

– Он мёртв? – спрашивает Грейс, выходя из машины и прикрывая глаза. – Не хочу смотреть! Он мёртв?

– Нет, но...

Коннор замолкает на полуслове и подхватывает Льва с земли. У того вырывается вопль боли. Только сейчас Коннор замечает, что плечевой сустав друга торчит вперёд под неестественным углом. Стоп, сейчас не время беспокоиться об этом, надо действовать.

– Это он? – открыв глаза, восклицает Грейс. – Что он здесь делает? ! Ты это всё запланировал? Если да, то это не очень-то хороший план!

На веранды окружающих домов начинают выходить жители – поглазеть на маленькую драму. Так, об этом тоже сейчас не время раздумывать. Коннор осторожно укладывает Льва на заднее сиденье и просит Грейс устроиться там же, присмотреть за раненым. Затем он, старательно делая вид, что абсолютно спокоен, возвращается на водительское сиденье и трогает автомобиль с места.

– Больница у нас на Бакстере, – сообщает Грейс.

– Нельзя, – отрезает Коннор. – Не здесь.

Хотя, вообще-то, под этим подразумевается *нигде*. Помощь официальных врачей исключается. Стоит ему только доставить Льва в больницу, и через пару минут все узнают, *кто* к ним пожаловал. Лев не только нарушил судебное предписание о домашнем аресте; он также сбежал от людей, защищавших его от Инспекции по делам молодёжи. Из чего следует, что надо ехать к Соне – другого убежища им не найти.

Грейс наклоняется к Льву пониже, осматривает плечо.

– Вывих, – заключает она. – Как-то был у Арджента. Играли в пинг-понг. Он стукнулся плечом об стенку. Само собой, обвинил меня, потому что это я послала ему такой мяч. Я тогда выиграла очко. – Она накладывает обе ладони на плечо Льва. – Сейчас будет больно, как тыща чертей. – И с этими словами Грейс налегает на вывихнутый сустав всем своим весом.

Лев вопит – пронзительно, словно пожарная сирена, Коннор невольно дёргает баранку, и машина виляет по полосе. Затем Лев втягивает в себя воздух и кричит снова, чуть слабее. Третий крик больше походит на скулёж. Оглянувшись, Коннор видит, что плечо друга вправлено на место.

– Это как нырять в холодный бассейн, – объясняет Грейс. – Надо кидаться сразу, не раздумывая, а то не нырнёшь никогда.

Даже при том, что всё тело Льва охвачено страшной болью, юноша находит в себе достаточно силы духа, чтобы поблагодарить спасительницу. Однако у него, по-видимому, тяжёлые внутренние повреждения, не видные на поверхности, потому что он кривится и стонет каждый раз, когда меняет позу.

Следуя плану Грейс, они заворачивают на стоянку у супермаркета и оставляют машину вместе с ключами и пистолетом – потому что пропажа личного оружия вызовет слишком много вопросов. Оставь мужику его машину и пушку – и тогда он, скорее всего, будет держать язык за зубами, чтобы не осрамиться перед всем светом.

Коннор влезает в чью-то голубую «хонду», врубает мотор, соединив проводки напрямую – не прячась, у всех на виду, чёрт с ней, с осторожностью. Через пару минут они уже снова катят по направлению к интерстейту. Ну и драндулет им достался – внутри воняет грязными чехлами и картофельными чипсами, баранка пляшет – значит, колёса не сбалансированы. Ну и плевать; для Коннора это просто сказочный экипаж, поскольку он увезёт их к чёртовой матери из проклятого Хартсдейла. А вот сам городок, похоже, затаил на них обиду, потому что только и знает подсовывает под колёса рытвины и включает красный свет везде, где только можно, даже там, где светофор вообще ни к чему. При каждом сотрясении машины Лев стонет и морщится.

– Оно всегда так: когда совсем плохо, дальше станет лучше, – выдаёт Грейс, и Коннору хочется наорать на неё, совсем как братец Арджент, но он подавляет это желание. В отличие от Арджента Коннор знает, что злит его вовсе не Грейс, а положение, в котором они оказались.

На последнем красном свете перед интерстейтом Коннор оборачивается и просит Льва поднять рубашку.

– Зачем это? – интересуется Грейс.

– Надо. Мне нужно кое в чём удостовериться.

Лев задирает рубашку, и Коннор кривится: его худшие опасения подтверждаются. В результате аварии пострадало не только плечо друга; весь его левый бок багровеет, как небо на закате. Внутреннее кровоотечение, не иначе, и поди узнай, насколько оно серьёзно.

– Боже мой, божечка, – дрожащим голосом причитает Грейс. – Не надо было его сбивать! Не надо было!

– Окей. – У самого Коннора тоже мутится в голове. – Окей, теперь мы знаем.

– Что знаем? – В голосе Грейс звенят панические ноты. – Ничего мы не знаем!

– Вам стала известна моя самая глубокая и мрачная тайна, – говорит Лев. – Я медленно и верно превращаюсь в баклажан. – Он пытается рассмеяться собственной шутке, но тут же обрывает смех – слишком больно.

«Риса сразу бы разобралась, как помочь», – думает Коннор. Он пытается расслышать её голос у себя в голове, мыслить так же ясно, как она. Риса заправляла делами в лазарете на Кладбище покруче любого профессионала. «Подскажи мне, что делать!» – молит про себя Коннор. Но сегодня подруга нема и ещё более далека, чем обычно. От этого его отчаяние и тоска по Рисе становятся ещё мучительней. Только бы добраться до Сони, а у неё-то уж точно имеется целый список врачей – приверженцев Соппротивления. Но пока что они в Канзасе, до Огайо ещё пилить и пилить...

Коннор косится на бардачок – люди частенько держат там ибупрофен или аспирин; хотя рассчитывать на такую удачу не приходится, особенно если учесть, как ему «везёт» в последнее время. Но, как выясняется, госпожа Удача – дама глупая и непоследовательная, потому что когда Коннор открывает бардачок, оттуда вываливается несколько оранжевых пузырьков с таблетками.

У Коннора вырывается вздох облегчения. Он перекидывает пузырьки по одному на заднее сиденье.

– Прочти мне, что на них написано! – просит он, и Грейс, услышав это, сияет от радости: пусть у неё и не всё в порядке с головой, но читать длинные и заковыристые слова для неё – плёвое дело. Она без запинки тараторит медицинские наименования, которые не смог бы произнести и сам Коннор. Одни кажутся ему знакомыми, остальные – тёмный лес. Ясно одно: хозяин машины либо очень больной человек, либо иппохондрик, либо попросту наркоша.

В бардачной аптеке обнаруживается упаковка таблеток мотрина¹², таких огромных, что сгодились бы и для лошади, и капсулы гидрокодона¹³ примерно того же размера.

– Отлично, – говорит Коннор. – Грейс, дай Льву две штуки – под одной и того, и другого.

– Так запить же нечем! – возражает Грейс.

Коннор ловит взгляд Льва в зеркале заднего вида.

– Извини, Лев, но придётся либо проглотить их всухую, либо разжевать. Нам сейчас нельзя останавливаться, чтобы раздобыть воды; а лекарство ты должен принять прямо сейчас.

– Не заставляй его! – просит Грейс. – Оно такое невкусное!

– Ничего, не подавлюсь, – уверяет Лев. Коннору совсем не нравится, как слабо звучит голос друга.

Лев ждёт, пока во рту наберётся побольше слюны, затем бросает таблетки в рот и проглатывает – действительно, подавившись только совсем чуть-чуть.

– Окей. Вот и отлично, – говорит Коннор. – В следующем посёлке остановимся, раздобудем льда – уменьшить опухлость.

Коннор пытается убедить себя, что положение Льва не так опасно. Концы костей вроде наружу не торчат, или ещё какой ужас в этом духе.

– Ты поправишься, – обращается он к другу. – Всё будет хорошо.

Но даже после того, как они через десяток миль разжились льдом, мантра Коннора «всё будет хорошо», срабатывать не желает. Бок Льва раздувается ещё больше и приобретает тёмно-бордовый оттенок. Левая кисть тоже распухла, вид у неё карикатурно-мультикшный, словно лапка Пятачка. «Когда совсем плохо, дальше станет лучше», – звучат в голове Коннора слова Грейс. Он видит в зеркале глаза друга, красные и слезящиеся. Лев едва способен держать их открытыми.

– Лев, не смей засыпать! – кричит ему Коннор. – Грейс, не давай ему уснуть!

¹² Один из синонимов ибупрофена.

¹³ Сильное болеутоляющее с кодеином.

– Но сон оказывает оздоровительное действие, – возражает Грейс.

– Только не в том случае, если ты на грани шока. Лев, не смей спать!

– Стараюсь. – Его голос едва слышен, произношение невнятно. Коннору хочется верить, что это из-за лекарств, но он понимает, что его надежды тщетны.

Он словно приклеился глазами к дороге. Что предпринять? Суровая реальность не оставляет им никаких шансов. Но тут Лев произносит:

– Я знаю, где нам окажут помощь.

– Опять шутить пытаешься? – осведомляется Коннор.

– Какие шутки. – Лев несколько раз медленно вдыхает и выдыхает, набираясь сил или, может быть, отваги для объяснений. – Отвези меня в резервацию арапачей в Колорадо.

Должно быть, бредит, бедняга, думает Коннор.

– В резервацию Людей Удачи? С какой им стати с нами возиться?

– Убежище, – сипит Лев. – Люди Удачи так и не подписали Соглашение о разборке. У арапачей с государством нет договора об экстрадиции. Они предоставляют убежище беглецам. Иногда.

– Убожище? – вскидывается Грейс. – Я не убогая! Не поеду к притонщикам!

– Ты совсем как Арджент! – упрекает её Коннор. Грейс умолкает и задумывается.

Коннор взвешивает альтернативы. Если направиться к арапачам в поисках убежища, то это будет означать, что они двинутся на запад вместо востока; и даже если они выжмут из своей тачки всё возможное, поездка займёт не меньше четырёх часов. Для Льва это очень долго. Но приходится выбирать – либо это, либо сдать на милость врачей в первой попавшейся больнице. Нет, последнее не пойдёт.

– Откуда ты всё это знаешь – про арапачей? – спрашивает Коннор.

Лев вздыхает.

– Да занесло меня туда как-то...

– Ладно, – сцепив зубы, говорит Коннор, – будем надеяться, что эта лошадка занесёт тебя туда ещё раз.

Он пересекает травяной разделитель, выезжает на полосу встречного движения и устремляется на запад, в направлении Колорадо.

11. Охранник

Несмотря на все утешительные формулы и красивые эвфемизмы Совета племени, в службе караульного у ворот резервации нет ничего благородного. В давние времена, когда Соединённые Штаты были лишь кучкой колоний, и задолго до того, как арапачи возвели вокруг своих земель высокие заграждения, всё обстояло иначе. Стоять на страже периметра тогда было почётной обязанностью, достойной истинного воина. А сейчас... Сейчас это значит носить синюю униформу, торчать в будке у пропускного пункта, проверять паспорта и прочие документы да бубнить всем *si» honobe*, что приблизительно переводится как «Хорошего вам дня», доказывая тем самым, что и арапачам не чужды банальности современного общества.

В свои тридцать восемь охранник – самый старший среди всех, дежурящих сегодня при восточных воротах; и в силу своего старшинства он единственный, кто имеет право носить оружие. Правда, его пистолет и близко не такой элегантен и внушителен, как те, что были в ходу во времена, когда его народ называли индейцами, а не Людьми Удачи. Или – тьфу, пропасть! – «притонщиками». Этим ужасным прозвищем наделили их те самые люди, которые сделали так, чтобы игорные дома оказались единственным для племён способом вернуть себе достоинство, и самоуважение, и богатства, которые у них отнимали в течение столетий. И хотя казино давно уже канули в небытие, прозвище осталось. «Люди Удачи» – это почётный знак. «Притонщики» – это безобразный шрам.

Уже далеко за полдень. Очередь за «гостевыми» воротами, выходящими на Главный мост через ущелье, насчитывает, по крайней мере, тридцать машин. Хороший день. В плохие очередь вытягивается за дальнюю оконечность моста. Примерно половине автомобилей будет отказано во въезде. Если ты не житель резервации или если у тебя нет законных оснований для нахождения здесь – поворачивай обратно.

Обычно можно услышать:

– Да мы только хотим немного поснимать и ещё купить какие-нибудь изделия Людей Удачи. Вам разве не хочется продать свои товары? – Как будто существование племени зависит от того, сколько безделушек они смогут всучить любопытствующим туристам.

– Вы можете развернуться вон там, слева, – таков его привычно вежливый ответ. – *si» honobe*!

Разочарованию детишек на заднем сиденье, конечно, можно посочувствовать; но в конце концов, виноваты их родители, которые не знают и не уважают обычаев арапачей.

Конечно, не все племена такие строгие изоляционисты, но опять же, не многие из них достигли такого успеха, как арапачи, в плане построения процветающего, самодостаточного и финансово благополучного общества. Их резервация – из «высоких»; ими восхищаются, и им завидуют некоторые из «низких» резерваций, тоже заработавшие немало на игорном бизнесе, но разбазарившие свои богатства, вместо того чтобы предусмотрительно сделать инвестиции на будущее.

Что же касается ворот, то после подписания Соглашения о разборке их закрыли наглухо. Как и прочие племена, арапачи отказались признать законность этой практики – так же, как в своё время отказались от участия в Хартландской войне. Хулители называли их «сырными дырками», намекая на то, что нейтральные земли Людей Удачи испещряли карту воюющей страны, словно дыры швейцарский сыр.

Так и получилось, что вся страна, а за ней и значительная часть мира пошла по пути утилизации лишних и нежеланных детей, а арапачи вместе с остальными членами Американского конгресса племён провозгласили если не полную независимость, то, во всяком случае, неприсоединение. Они не станут следовать этому закону, а если их попробуют принудить – вот тогда Конгресс племён может объявить о своём выходе из федерации, тем самым действительно пре-

вращая Соединённые Штаты в швейцарский сыр. После войны, нанёсшей колоссальный убыток национальной экономике, Вашингтон решил, что будет умнее махнуть на это дело рукой.

Само собой, уже многие годы идут громкие судебные процессы: имеют ли право арапачи требовать предъявления паспортов при въезде; однако племя стало весьма искушённым во всех этих юридических танцах. Охранник сомневается, что паспортная проблема вообще когда-нибудь будет решена. Во всяком случае, не при его жизни.

Небо над головой затянуто тучами, грозящими дождём, словно капризный ребёнок слезами, а страж ворот продолжает исполнять службу: отдельным автомобилям он разрешает въезд, остальные заворачивает обратно.

И вдруг, как снег на голову, очередная машина оказывается полной беглецов.

Уж кого-кого, а их он узнал сразу, как только они подвернули к воротам. От них так и веет безнадёгой, словно мускусом. Хотя ни одно из племён не поддерживает разборку, арапачи единственные, кто предоставляет беглецам убежище – к вящему недовольству Инспекции по делам молодёжи. Арапачи свою позицию не афишируют, но сарафанное радио работает, так что для охранника разбираться с беглецами – работа привычная.

– Чем могу помочь? – спрашивает он у совсем молодого парня-водителя.

– Мой друг ранен, – отвечает тот. – Ему нужна медицинская помощь.

Страж ворот заглядывает на заднее сиденье и видит там парнишку в бедственном состоянии, положившего голову на колени девушке лет двадцати двух – двадцати трёх, которая явно чуточку не того. Похоже, парнишка не притворяется.

– Вам лучше бы развернуться, – говорит охранник, – и ехать обратно. В Каньон-сити есть больница, до неё гораздо ближе, чем до нашей клиники. Я расскажу, как ехать.

– Нам туда нельзя, – отзывается парень за рулём. – Нам нужно убежище. Вы понимаете?

Значит, он прав. Беглецы. Охранник смотрит на длинную цепочку автомобилей, ждущих, когда их пропустят сквозь бутылочное горлышко. Он ловит на себе взгляд одного из коллег-охранников – мол, что шеф станет делать? Их инструкции предельно ясны, и ему следует показать пример своим сотрудникам. Стоять на страже у ворот резервации – должность неблагородная.

– Боюсь, я не смогу вам помочь.

– Вот видите? – говорит девушка с заднего сиденья. – Я знала, что из этого ничего не выйдет.

Но водитель не сдаётся.

– Я слышал, вы принимаете беглецов.

– Мы впускаем их в резервацию, только когда у них есть поручители.

Парень взрывается:

– Поручители? Да вы что, издеваетесь? Откуда беглецу взять поручителя? !

Привратник вздыхает. Ну вот, в который раз объясняй всё по новой...

– Вам необходим поручитель, чтобы въехать в резервацию *официально*, – говорит он. – Но если вы найдёте сюда дорогу *неофициально*, то велики шансы, что вы найдёте себе поручителя потом. – Только сейчас охранник замечает, что лицо парня-водителя ему знакомо, но не может припомнить, где же он его видел.

– Да нет у нас на это времени! Думаете, он сможет перелезть через стену? – Водитель указывает на парнишку, в полубессознательном состоянии лежащего на заднем сиденье. Кстати, он тоже кажется смутно знакомым. Учитывая бедственное состояние юноши, охранник взвешивает, не поручиться ли за этих ребят самому. Но это может стоить ему работы. Ему положено отгонять посторонних от резервации, а не искать способы, как их сюда протаскать. Сочувствие в круг его обязанностей не входит.

– Мне очень жаль, но...

И тут раздаётся голос раненого, невнятный и тихий, будто во сне:

– ... друг Элины Таши'ни...

Охранник удивлён.

– Нашей докторши?

Резервация насчитывает много тысяч жителей, но есть среди них такие, чья безупречная репутация широко известна. Семейство Таши'ни из числа самых уважаемых. И все знают о постигшей их страшной трагедии.

В очереди начинают повизгивать клаксоны, но привратник не обращает на них внимания. Подождут. Тут дело приобретает интересный оборот.

Парень за рулём смотрит на бредящего друга так, будто для него услышанное – тоже сюрприз.

– Позвоните ей, – просит раненый; его ресницы дрожат, и глаза закрываются.

– Слышали? – говорит водитель. – Позвоните ей!

Охранник звонит в клинику, и его быстро соединяют с доктором Элиной.

– Извините, что беспокою, – говорит охранник, – но у нас тут, у восточных ворот, появились ребята, один из них утверждает, что знает вас. – Он поворачивается к парнишке на заднем сиденье, но тот впал в забытье, поэтому страж обращается к водителю: – Как его зовут?

Тот некоторое время колеблется, затем произносит:

– Лев Гаррити. Но она, возможно, знает его под именем Лев Колдер.

Охранник как следует вглядывается в раненого... Ну конечно! Он сразу узнаёт и Льва, и водителя. Это же парень, которого называют Беглецом из Акрона! Коннор Как-его-там. Тот самый, которого считают мёртвым. Что же касается Льва, то он приобрёл себе печальную славу в резервации ещё до того, как стал «клакшером, который не хлопнул». Стоит только помянуть несчастного Уила Таши'ни, как тут же всплывает имя Льва Колдера и его роль в случившейся трагедии. А его друзья, скорей всего, ни о чём даже не подозревают. Наверняка Лев не любит распространяться о событиях того ужасного дня.

Охранник старается не показать своего потрясения, но это получается у него не очень хорошо.

– Просто скажите ей, и всё, – ворчит Коннор, распознав плохо скрытое отвращение во взгляде охранника.

– Доктор, – говорит тот в телефон, – только не волнуйтесь, но... Это Лев Колдер. Он ранен.

Долгая пауза. Отдельные завывания клаксонов сливаются в нестройный хор. Наконец доктор Элина отвечает:

– Пропустите его.

Охранник отключает телефон и поворачивается к Коннору:

– Поздравляю, – говорит он, чувствуя себя чуточку благороднее. – У вас теперь есть поручитель.

Часть вторая

Достойные молодые люди

ГЛОБАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ ОРГАНАМИ

БУМ НА ЧЁРНОМ РЫНКЕ

ДОНОРСКАЯ ПОЧКА ИЗВЛЕКАЕТСЯ КАЖДЫЙ ЧАС

Автор Дж. Д. Хайес

NaturalNews / Воскресенье, 3 июня 2012 года

В наш век массовых коммуникаций трудно охватить все темы; и тем не менее есть один сюжет, достойный подробного освещения – о торговле органами, разросшейся в бизнес глобального масштаба. О распространённости этой практики свидетельствует тот факт, что раз в шестьдесят минут какой-либо орган поступает в продажу.

Согласно последним отчётам Всемирной организации здравоохранения, существует опасность, что объёмы незаконной торговли органами возрастут в очередной раз.

Особенно высоким спросом пользуются почки

Статистика ВОЗ показывает, что жители развитых стран, обладающие значительными денежными средствами, платят десятки тысяч долларов за почку различным этническим гангстерским группировкам – индийским, китайским или пакистанским – которые покупают органы у отчаявшихся соотечественников по мизерной цене в несколько сотен долларов за орган.

Плодородная почва для чёрного рынка органов, по данным Всемирной организации здравоохранения, сформировалась в Восточной Европе. Совсем недавно Армия Спасения рассказала, что вырвала из рук гангстеров женщину, которую те доставили в Соединённое Королевство специально за тем, чтобы разобрать на органы.

Нелегальная торговля почками составляет 75% всего товарооборота на чёрном рынке... Эксперты говорят, что это объясняется распространением болезней, обусловленных благополучным образом жизни – таких, как диабет, высокое кровяное давление и сердечная недостаточность.

Пока существует столь разительный контраст между бедными и богатыми странами, ожидать в обозримом будущем прекращения нелегальной торговли человеческими органами не стоит.

Полностью прочитать статью можно здесь: http://www.naturalnews.com/036052_organ_harvesting_kidneys_black_market.html

Рейншильды

Началось. И началось с того, что новообразованная Инспекция по делам молодёжи официально объявила об открытии первого предприятия для разборки. Исправительную колонию для несовершеннолетних в Чикаго – самое большое учреждение подобного рода в стране – оснастили тремя операционными и набрали медперсонал в количестве тридцати трёх человек.

Мэриленд, Университет Джона Хопкинса. Дженсон Рейншильд сидит в своём исследовательском кабинете, расположенном на одном из этажей научного корпуса, названного именем его и его жены, и читает статью. Вернее, заметку об открытии первого заготовительного центра – совсем короткую и так хорошо запрятанную в глубине ленты новостей, что, несомненно, пройдёт мимо внимания большинства читателей.

Разборка подкрадывается неслышно на лёгких ногах ангелов.

«Граждане за прогресс» не позвонили Рейншильдам даже ради того, чтобы просто позлорадствовать. Очевидно, они сбросили их со счетов. Дженсон поднимает глаза: там, у противоположной стены кабинета, заключённая в прозрачный стеклянный куб, поблёскивает золотая медаль. Зачем тебе Нобелевская премия, когда твою работу, призванную спасти жизни, используют в качестве орудия узаконенного убийства? «Но ведь никто же не умирает!» – с улыбкой возражают сторонники разборки. – Просто жизнь продолжается в другой форме. Мы предпочитаем называть это «жизнью в разделённом состоянии».

Покидая кабинет, Дженсон под влиянием внезапного порыва ударяет по кубу. Стекло разлетается вдребезги. Дженсон столбенеет, чувствуя себя дураком. Зачем он это сделал? Медаль, сбитая с подставки, валяется среди осколков. Он подбирает её и прячет в карман.

Подъезжая к дому, он обнаруживает, что пикапа на дорожке нет. Опять его жену понесло по блошиным рынкам и гаражным распродажам. Значит, сегодня суббота. Дженсон потерял счёт дням. Соня пытается утопить горечь разбитых иллюзий в охоте за всякими безделушками и старинной мебелью. В лаборатории не появляется уже несколько недель. Такое впечатление, что в свои сорок один она потеряла интерес к медицине и ушла на пенсию.

Входная дверь не заперта. Соня, нельзя быть такой беспечной. Однако через несколько секунд, когда Дженсон входит в гостиную, ему недвусмысленно дают понять, что жена здесь ни при чём. Кто-то бьёт его по голове одним из Сониных сокровищ потяжелее. Он падает. Оглушённый, но в сознании, учёный поднимает глаза и видит лицо того, кто на него напал.

Да он совсем мальчишка, ему лет шестнадцать, не более! Один из «дикарей», о которых трубят СМИ. Отщепенец, побочный продукт современной цивилизации. Длинный, тощий, глаза пылают злобой... Удар, нанесённый хозяину дома, похож, дал выход эмоциям подростка, но очень незначительный.

– Где бабки? – орёт парень. – Выкладывай, где сейф?

Дженсон едва не разражается хохотом, несмотря на боль в голове:

– Нет здесь никакого сейфа!

– Не вешай мне лапшу! В таком доме, да чтоб без сейфа?!

Поразительно, как можно быть одновременно столь опасным и столь наивным. Но опять же – давно известно, что невежество и слепая жестокость идут рука об руку. Подчиняясь внезапной мрачной прихоти, Рейншильд достаёт из кармана медаль и бросает её грабителю:

– Вот, возьми. Золотая. Она мне больше ни к чему. Подросток ловит медаль. На его руке не хватает двух пальцев.

– Врёшь ты всё! Ни фи́га это не золото!

– Ладно, – соглашается Рейншильд. – Тогда убей меня.

Грабитель вертит медаль в руках.

– Нобелевская премия? Ну да, как же! Небось, фальшивка.

– Ладно, – повторяет Рейншильд. – Тогда убей меня.

– Заткнись! Я не убийца, понял? – Подросток оценивает вес добычи. Рейншильд садится на полу; голова его по-прежнему кружится после удара. Наверняка сотрясение мозга. Впрочем, ему всё равно.

Парень оглядывает гостиную, полную всяческих наград и почётных грамот, полученных Дженсоном и Соней за научные достижения.

– Если настоящая, то за что? – спрашивает парень.

– Мы изобрели разборку, – говорит Рейншильд. – Хотя в тот момент мы об этом не подозревали.

Подросток скептически усмехается:

– Ну да, так я тебе и поверил!

Юный преступник мог бы забрать свою добычу и уйти, но он этого не делает. Стоит, топчется на месте...

– Что случилось с твоими пальцами? – спрашивает Рейншильд.

Злость в глазах парня разгорается чуть ярче.

– А тебе что за дело?!

– Отморозил?

Грабитель в замешательстве – значит, догадка Дженсона верна.

– Да. Все думают, что это я игрался со взрывпакетом. Делать мне больше нечего. Отморозил прошлой зимой.

Рейншильд подтаскивает себя к креслу, забирается в него. Тут же следует окрик:

– Эй, ты чего это?! – Однако оба участника драмы понимают, что парнишка топорщит перья только для виду.

Учёный внимательно рассматривает непрошеного гостя. Похоже, тот не наведывался в душ чуть ли не с рождения; невозможно даже разобрать, какого цвета у парня волосы.

– Скажи мне, в чём ты нуждаешься? – спрашивает Рейншильд.

– В твоих бабках! – отвечает парень, презрительно сузив глаза.

– Я спросил не о том, чего ты хочешь. Я спросил, в чём ты нуждаешься.

– В твоих бабках! – повторяет подросток, немного более напористо. А потом вдруг добавляет помягче: – Ещё мне нужна жратва. И одежда. И работа.

– А если я дам тебе что-то одно?

– А если я дам тебе по башке – и покрепче, чем в первый раз?

Рейншильд выуживает из кармана бумажник, намеренно демонстрируя наличие в нём нескольких купюр. Но вместо денег он протягивает парню свою бизнес-карточку.

– Приходи по этому адресу в понедельник в десять. Я дам тебе работу и зарплату, которой хватит на скромную жизнь. Как ты будешь тратить свои деньги – на продукты, еду или ещё на что-нибудь – мне безразлично, лишь бы ты регулярно являлся на работу пять раз в неделю. Да, и каждый раз перед приходом принимай душ.

– Как же, – цедит парень, – я приду, а там куча инспекторов по делам несовершеннолетних. Ты что, думаешь, я совсем дурак?

– Для подобного предположения у тебя недостаточно эмпирических данных.

Парень переминается с ноги на ногу.

– Так это... Что за работа?

– Биологические и медицинские исследования. Их результат может положить конец разборке. Но мне нужен ассистент, причём такой, который не был бы тайным агентом «Граждан за прогресс».

– Граждан за что?

– Правильный ответ. До тех пор пока ты будешь говорить подобным образом, работа твоя.

Парень задумывается, потом вспоминает про медаль, зажатую в его трёхпалом кулаке. Сует её обратно Рейншильд:

– Вы бы не таскали её вот так в кармане. В рамку вставьте что ли... – после чего уходит с тем же, с чем пришёл сюда, если не считать бизнес-карточки.

Рейншильд уверен – он больше никогда не увидит мальчишку. До чего же приятно он удивился, в понедельник утром обнаружив в своём рабочем кабинете давешнего знакомого в той же грязной одежде на чисто вымытом теле.

12. Риса

Нет, это просто невероятно, как она умудрилась так опростоволоситься!

Всё это время ей удавалось выживать даже тогда, когда все шансы были против неё; а теперь придётся умереть из-за собственной самонадеянности. Как же – она ведь слишком умна, слишком наблюдательна, чтобы угодить в ловушку пирата! Вообразила, что кого-кого, а её-то уж точно не обмануть.

Ветхий хлев на задворках дышащей на ладан фермы в Шайенне, штат Вайоминг. Риса набрела на него, спасаясь от грозы. В одном из стойл обнаружилась полка, забитая съестными припасами.

Дура, дура, вот дура! С какой стати здесь, в заброшенном хлеву, быть складу продуктов? Если бы она дала себе труд подумать, то бежала бы отсюда без оглядки, и пусть бы лучше в неё угодила молния! Но Риса была измотана и голодна. Утратила бдительность. Протянула руку за пакетом чипсов, зацепила за проволочку... и в одну секунду стальной трос обвился вокруг её запястья. Её поймали, точно кролика в силос. Риса пыталась вытащить руку, но чем больше она трепыхалась, тем туже затягивалась скользящая петля.

Пират явно был человеком небрежным: кругом валялось множество инструментов, до которых Риса могла свободно дотянуться, но ни одним из них нельзя было перекусить стальной трос. Проведя битый час в бесплодных попытках освободиться, Риса поняла, что не в силах ничего поделаться. Оставалось только ждать и жалеть, что она не дикое животное – у тех хватает духу отгрызть попавшую в капкан лапу.

Всё это случилось вчера вечером. Всю ночь Риса не сомкнула глаз, и теперь, утром, её ждут новые ужасные испытания. Через час после рассвета в хлеву появляется пират. Это средних лет мужчина с плохо имплантированным скальпом. Копна мальчишеских светлых волос не только не придаёт ему привлекательности, но скорее наоборот – вызывает омерзение. Мужик едва не пускается в пляс, увидев, что его ловушка сработала.

– Несколько месяцев ни черта, – сообщает он Рисе. – Уже собирался закрыть лавочку, но... Удача любит терпеливых!

Внутри у Рисы всё кипит. Она вспоминает о Конноре и жалеет, что у неё нет его чутя. Уж он-то не попался бы в руки какого-то деревенского болвана!

Сразу ясно – мужик не из профессиональных пиратов; но заправилам чёрного рынка это безразлично, был бы товар. Он не узнаёт Рису. Это хорошо. На чёрном рынке за особо прославленных беглецов дают цену во много раз больше; а девушке вовсе не хочется, чтобы этот мужлан на ней разбогател. Само собой, если ему удастся доставить свою добычу на рынок. Риса не потратила ночь даром – она выработала план действий.

– Вот продам тебя, и, глядишь, ростовщики отцепятся от моей задницы, – радуется пират. – Или хотя бы приличную тачку куплю.

– Прежде чем продать, ты должен отвязать меня!

– И то правда.

Он впиивается взглядом в свою жертву и широко улыбается. Похоже, продажа Рисы на чёрном рынке – последнее в списке запланированных им мероприятий. А сейчас он принимается ходить по стойлу, методично ликвидируя беспорядок, оставшийся после бесполезных ночных попыток Рисы вырваться из западни.

– Ну и бардак ты тут устроила, – дивится он. – И как – стало легче?

И тут Риса принимается подначивать его. Она знает, где у подобных типов большая мозоль, однако начинает с лёгких, скользящих ударов. Так, сперва пройдёмся по его умственным способностям.

– Не хотелось бы тебя огорчать, – произносит она, – но дельцы чёрного рынка не любят иметь дело с дебилами. Я имею в виду – чтобы подписать контракт, ты должен по крайней мере уметь читать.

— ХОХМИШЬ?

– Нет, в самом деле, тебе стоило бы вместе со скальпом вставить себе немножко мозгов. Пират только ухмыляется.

– Да изгаляйся, сколько хочешь, девка. От этого ничего не изменится.

Рисе казалось, что невозможно ещё сильнее ненавидеть этого мужлана, но словечко «девка» поднимает в ней новую волну негодования. Она заходит на второй круг. Теперь на очереди его наследственность. Начнём с матери.

– А что сделали с коровой, после того, как она выродила тебя – забили на мясо, или она, может, померла от отвращения?

Мужик продолжает убираться в стойле, но уже не так аккуратно. Ага, задело!

– Заткнись, сука! Я не собираюсь терпеть всякую хрень от грязной разобранной!

Отлично. Пусть ругается. Чем сильнее он разозлится, тем больше это на руку ей, Рисе. Вот теперь она выстреливает последний громовой залп – целую серию едких замечаний анатомического характера, в частности о недостаточности развития у своего противника некоторых весьма существенных органов. Должно быть, по меньшей мере в нескольких случаях она попадает в цель, потому что физиономия мужлана приобретает багровый оттенок.

– Я тебя сейчас так отделаю! – рычит он. – И плевать, что ты потеряешь товарный вид!

Он бросается на Рису, выставив огромные кулаки. В этот момент Риса вздёргивает вверх вилы, спрятанные под сеном. Больше ничего и не требуется: только держи крепко вилы, остальное доделает вес мужика и сила инерции.

Пират-любитель с размаху насаживает себя на острия и отшатывается назад, вырывая вилы из руки Рисы.

— *Что ты наделала, тварь! Что ты наделала...*

Мужик изрыгает проклятья, вилы мотаются туда-сюда, словно какой-то странный доверток к его грудной клетке. Видимо, Риса задела какой-то жизненно важный орган, потому что кровь так и хлещет, и всё кончается быстро: через десять секунд мужик валится у противоположной стенки стойла. Он умирает, и взгляд его открытых глаз направлен не на Рису, а куда-то слева от неё, как будто он узрел за её плечом ангела, или, может, Сатану, или что там ещё видят такие, как он, в свой смертный час.

Риса всегда считала себя человеком сердобольным, но этого типа ей нисколько не жалко. Однако постепенно до неё доходит: она опять совершила опрометчивый поступок. Потому что запястье её по-прежнему охвачено стальным тросом, а единственный, кто знает, что Риса здесь, в западне, лежит сейчас мёртвый у дальней стенки стойла.

Просто невероятно, как она умудрилась так опростоволоситься. Опять.

РЕКЛАМА

Хочешь знать, кто я? Хм, я и сам порой не понимаю. Меня зовут Сайрус Финч. Меня также зовут Тайлер Уокер. По крайней мере, одну восьмую меня так зовут. Вот что получается, когда тебе в башку всаживают кусок серого вещества другого чувака, понял? А теперь я ни то, ни сё, такое ощущение, что меня меньше, чем нас обоих, вместе взятых.

Если ты заполучил себе шмат разобранного и раскаиваешься в этом – знай, ты такой не один. Вот почему я основал Фонд Тайлера Уокера. Звоните нам 800—555—1010.

Нам не нужны ваши деньги; нам не нужны ваши голоса – нам всего лишь надо починить то, что сломано. Помните: 800—555—1010. При нашем участии вы примиритесь с вашей частью.

– Спонсор: Фонд Тайлера Уокера

Пират, которому и в голову не приходило, что он скоро умрёт, оставил дверь хлева открытой. И этой ночью сюда наведывается койот. Увидев гостя, Риса кричит, бросает в него клочьями сена и швыряет маленькую садовую тяпку. Удар приходится койоту прямо по морде; животное визжит и улепётывает. Риса ничего не знает о диких зверях, их повадках и привычках. Она помнит, что койоты – хищники, но не уверена, охотятся ли они в одиночку или стаями. Если койот вернётся со своими многочисленными собратьями, ей несдобровать.

Он возвращается через час, один. Обходит Рису стороной – а вдруг она опять бросит в него чем-нибудь? Может не опасаться – ей больше нечего швырнуть. Риса кричит, но койот не обращает на её вопли внимания, сосредоточившись на пирате – уж этот-то не окажет сопротивления.

Койот обедает трупом мужика, который в летнюю жару уже начинает пованивать. Смерд, понимает Риса, усилится, а потом, через сутки-двое, к нему присоединится вонь её собственного мёртвого тела. Кажется, койот сообразил, что и эта строптивая добыча тоже умрёт не сегодня-завтра, значит, стоит подождать. У койота холодильника нет, так что лучше пусть еда сохраняется в живом виде. Пирата хватит на несколько обедов, а там, глядишь, и свежатинка подоспеет.

Наблюдая за пиром койота, Риса постепенно становится невосприимчива к этому ужасному зрелищу. Она словно видит всё со стороны, как будто её это не касается. Интересно, думает она, кто более жесток – человек или дикое животное. Должно быть, человек. Зверь не испытывает угрызений совести, но и злобного умысла в нём тоже нет. Растения, поглощая свет солнца и выделяя кислород, точно так же исполняют своё предназначение в круговороте жизни, как и тигр, рвущий на части ребёнка. Или падальщик-койот, пожирающий другого стервятника – человека.

Койот уходит. Наступает рассвет. Симптомы обезвоживания всё сильнее. Риса надеется, что жажда убьёт её раньше, чем она ослабеет настолько, что не сможет противостоять койоту. Девушка впадает в сонливость, и в смутных видениях перед ней проходят эпизоды её жизни.

Это просто отдельные картинки, ничем, в общем, не связанные между собой; у этих воспоминаний нет какой-то особой ценности; они случайны, как случайны наши сны, только немного более близки к реальным событиям прошлого.

Драка в столовой

Рисе семь лет, и она дерётся с другой девочкой, обвинившей её в краже одежды. Повод просто нелепый, потому что абсолютно все в государственных детских домах носят одну и ту же практичную униформу. Риса ещё слишком мала, чтобы понять – речь не об одежде, а о власти. О социальном статусе. Противница Рисы старше, крупнее и злее; но когда она прижимает Рису к полу, та тычет пальцами ей в глаза, изворачивается и, оказавшись сверху, плюёт старшей девчонке в лицо – то есть делает как раз то, что собиралась сделать противница. Учителя растаскивают их. Девчонка вопит, что драку затеяла Риса, что она, мол, применяет грязные приёмы. Да только взрослым наплевать, кто начал первым, главное – что всё кончилось;

к тому же, по их мнению, любые схватки между обитателями сиротских приютов всегда грязные. Однако дети считают иначе. Для них самое важное – что Риса победила;

после этого мало кто отваживается драться с ней. Её же сопернице отныне никто не даёт спуска.

Музыкальная комната

Рисе двенадцать, она играет на пианино в маленькой звукоизолированной студии в Государственном детском доме № 23 штата Огайо. Пианино расстроенное, но девочка к этому привыкла. Она исполняет старинную пьесу без единой пометки. Публика – сплошные лица без туловищ – слушает равнодушно и безучастно, несмотря на всю страсть, которую Риса вкладывает в игру. В тот раз всё прошло гладко. Зато на важнейшем, решающем концерте четыре года спустя, Риса ошибается...

Автобус по дороге в заготовительный лагерь

Администрация приюта нашла простой и оптимальный, на их взгляд, способ уменьшить бюджетные расходы – отправить каждого десятого призреваемого на разборку. Назвали это «вынужденным сокращением». Несколько фальшивых нот, допущенных Рисой на концерте, решают её судьбу – она среди этих 10 процентов. В автобусе по дороге в лагерь рядом с ней сидит невзрачный мальчик по имени Самсон Уорд. Странноватое имя для шуплого парнишки; но поскольку согласно закону все сироты на государственном попечении носят фамилию Уорд¹⁴, личное имя, как правило, если и не совсем уникально, то, во всяком случае, своеобразно и зачастую носит ироничный характер – потому что даётся не любящими родителями, а бюрократами. Циниками, считающими, что наделить болезненного, родившегося до срока мальчика именем Самсон – это ах как остроумно.

– Лучше пусть какая-то часть меня достигнет величия, чем я останусь целым, но бесполезным, – говорит Самсон. Это воспоминание с подоплёкой. Самсон, как выяснилось значительно позже, был тайно влюблён в Рису, что и проявилось впоследствии в личности Камю Компри. Каму досталась часть мозга Самсона, содержащая его математический талант, а в нагрузку – фантазии о недоступных девочках. Да, Самсон был способным математиком, но не гениальным, и этого оказалось достаточно, чтобы угодить в злополучные 10 процентов.

Глядя на звёзды

Риса с Камом лежат на травянистом пригорке на одном из Гавайских островов, ранее служившем колонией для прокажённых. Кам называет ей имена звёзд и созвездий, и в его речи внезапно прорезается новоанглийский акцент, поскольку юноша задействует часть мозга человека, знавшего всё о звёздах. Кам любит её, Рису. Поначалу она его презирала. Потом примирилась с его существованием. А затем оценила ту личность, в которую он вырос, тот дух, что сумел подняться над собственной разрозненностью и стал больше, чем просто сумма своих частей. Однако девушка чётко осознаёт: она никогда не будет чувствовать к нему то же, что он чувствует к ней. Это попросту невозможно, потому что она по-прежнему безгранично любит Коннора.

Коннор

За несколько месяцев до звёздной ночи на Молокаи. Риса сидит в инвалидном кресле в тени стелс-бомбардировщика посреди аризонской пустыни, и Коннор массирует ей ноги. Риса их не чувствует. Она не подозревает, что пройдёт совсем немного времени, и её позвоночник заменят на новый, так что она опять сможет ходить. Всё, в чём она пока отдаёт себе отчёт – это что Коннор не может быть с ней по-настоящему, так, как она этого хочет. На нём лежит слишком большой груз ответственности; его ум занят исключительно тем, как сохранить жизнь орде беглецов, нашедших себе пристанище на кладбище самолётов.

Кладбище

¹⁴ Напоминаем для тех, кто подзабыл: Уорд (Ward) означает «находящийся на чужом попечении».

Теперь это и в самом деле кладбище. Мёртвый пустырь, зачищенный властями, словно гетто во время Второй мировой войны. Все его обитатели либо убиты, либо увезены в заготовительные лагеря для разборки – или, как обтекаемо говорится в официальных бумагах, «для суммарного распределения». А где же Коннор? Риса знает – он наверняка скрылся, потому что если бы его поймали или убили, Инспекция по делам несовершеннолетних обязательно похвалились бы этим в СМИ. Тем самым был бы нанесён смертельный удар по Сопротивлению, которое и без того в последнее время столь же эффективно, как мухобойка против дракона.

И снова в старом хлеву сгущаются сумерки, а с ними приходит и койот, на этот раз в компании своей подруги.

Риса вопит во всю мочь, чтобы показать, что ещё не окончательно ослабела; но силы её быстро тают. Звери не обращают на неё внимания, они заняты – терзают мертвеца; и тут вдруг Рису озаряет. Раньше с того места, где она сидит в ловушке, даже когда она вытягивалась во весь рост, до трупа оставалось ещё как минимум пара футов. Но койоты оттащили его от стенки!

Изо всех оставшихся сил Риса тянется к мертвецу и указательным пальцем левой руки ухитряется поддеть край его брючины.

Она начинает понемногу подтягивать к себе труп, и тогда койоты соображают, что завтрашний обед становится угрозой для сегодняшнего. Они скалят клыки и рычат на Рису, но та не сдаётся, продолжая тянуть мертвеца к себе. Тогда один из койотов вцепляется зубами ей в плечо. Риса кричит и использует старый приём — тычет пальцем зверю в глаз. Тот ослабляет хватку, Риса вырывается и снова дёргает труп к себе. Сейчас она могла бы дотянуться до его кармана, но тут на неё прыгает второй койот. В распоряжении у девушки только одна секунда. Она запускает пальцы в карман и молится, чтобы ей выпало ну хоть чуть-чуть удачи. И она находит желаемое как раз в тот миг, когда койот снова кусает её за плечо. Риса даже толком не чувствует боли.

Потому что в руке у неё телефон.

Она забивается в свой угол, подальше от зверей, которые злобно щёлкают на неё челюстями. Девушка поднимается на дрожащих ногах, и койоты отбегают, напуганные её ростом. Но медлить нельзя – скоро до них дойдёт, что этот враг не в силах оказать им сопротивление, и тогда с Рисой будет то же, что с пиратом.

Она включает телефон – заряда в нём совсем немного, из чего следует, что её жизнь зависит от прихоти маленькой литиевой батарейки.

Кому может позвонить человек, скрывающийся от закона? Лично у неё нет знакомых, кто мог бы ей помочь, а если она наберёт стандартный номер экстренной помощи – да, её спасут, но только для того, чтобы вернуть обратно в ад, который хуже смерти. Однако есть один номер... Наверно, она может довериться этим людям, хотя раньше никогда к ним не обращалась. Риса нажимает кнопки. Батарейка почти сдыхает. Один гудок... два... и тут на том конце раздаётся мужской голос:

– Фонд Тайлера Уокера. Слушаем вас.

Глубокий выдох облегчения.

– Это Риса Уорд, – сообщает она. А потом произносит три слова, которые презирает больше всего на свете: – Мне нужна помощь.

13. Кам

Миранды, Миранды, сплошные Миранды...

Нескончаемое изобилие юных девиц, которым приелась унылая банальность обычных парней. Они бросаются на Кама очертя голову, словно с обрыва в пропасть. И каждая ожидает, что его сильные «собранные» руки поймут её. Иногда он оправдывает их ожидания.

Девушки хотят водить пальчиками по симметричным линиям на его лице. Они жаждут утонуть в глубине его проникновенных синих глаз; а сознавая, что глаза, собственно, совсем не его, они желают этого ещё больше.

Каму не часто случается попадать на такие пышные приёмы, каким его удостоили в Вашингтоне, поэтому фрак используется редко. В основном они Робертой выступают с лекциями и презентациями. На этих мероприятиях Кам носит элегантный блейзер, галстук и слаксы – словом, одевается достаточно неформально, чтобы не походить на представителя корпорации. То есть на ставленника «Граждан за прогресс», которые без единого звука оплачивают все его прихоти.

Кам и Роберта совершают турне по различным университетам, и аудитория у них невелика, ведь летом университеты пустуют; но высший учёный состав продолжает заниматься текущими исследованиями – именно на этих маститых академиков и направлены сейчас усилия Кама и Роберты.

– Нам необходимо, чтобы научное сообщество смотрело на тебя как на достойный их внимания проект, – внушает ему Роберта. – Ты уже завоевал симпатии и сердца широкой публики. А теперь тебя должны оценить профессионалы.

Презентации всегда начинаются с выступления Роберты: она представляет мультимедийное шоу, в лучших академических традициях подробно рассказывающее о создании Кама, хотя сама Роберта так этот процесс не называет. Пиарщики из «Граждан за прогресс» решили, что Кам не был создан, он был «накоплен» – тщательно, по драгоценным крупичкам. И все эти крупички, фрагменты и куски вместе образуют его «внутреннее сообщество».

– Накопление Камю Компри заняло долгие месяцы, – докладывает Роберта учёным. – Сначала стояла задача определить, какими качествами должно было обладать его внутреннее сообщество. Затем мы должны были выявить эти качества в имеющейся популяции объектов, ожидающих разборки...

Словно на концерте, Роберта «разогревает» публику, и вот тогда...

– Леди и джентльмены, я подвожу вас к кульминации наших медицинских и научных изысканий. Камю Компри!

Включается прожектор, и Кам вступает в пятно света под аплодисменты или под пощёлкивание пальцами, если в данном округе аплодисменты запрещены в качестве превентивной меры против атак клапперов.

Кам всходит на подиум и выдаёт речь, написанную бывшим спичрайтером президента США. Его выступление остроумно, продумано до мелочей и заучено наизусть слово в слово. Затем приходит черёд вопросов и ответов; и хотя на подиуме в это время присутствуют оба – и Кам, и Роберта, в основном вопросы задают Каму.

– Не бывает ли у вас проблем с физической координацией?

– Никогда, – отвечает он. – Все мускульные группы моего тела научились ладить друг с другом.

– Помните ли вы имена хотя бы кого-нибудь из членов, составляющих ваше внутреннее сообщество?

– Нет, но иногда я вижу их лица.

– Правда ли, что вы бегло говорите на девяти языках?

– Да, но v moyey golove dostatochno mesta dlia escho neskolkikh, – отвечает он, что вызывает смешки у русскоговорящих слушателей.

Он с блеском отвечает на все вопросы, даже на неприкрито враждебные и провокационные.

– Признайте: вы всего лишь сборная модель, – говорит ему один такой подстрекатель во время встречи в Массачусетском технологическом институте. – Вас составили, словно игрушечный автомобиль, из готовых частей. И вы считаете себя человеком?

Реакция Кама, как все его ответы на подобные вопросы, корректна и ставит провокатора на место:

– Я бы скорее назвал себя концепт-каром¹⁵, – произносит он без малейшей враждебности. – То есть итогом творческой фантазии всех экспертов в этой области. – Кам улыбается. – И если под определением «модель» вы имели в виду образец для подражания, то я с вами полностью согласен.

– А как насчёт тех, кто отдал свои жизни ради того, чтобы жили вы? – раздаётся вопрос из аудитории Калифорнийского университета.

– Благодарю за вопрос, – говорит Кам в установившейся напряжённой тишине. – Угрызения совести по этому поводу подразумевали бы, что я чувствую себя виноватым в их разборке. Но это не так. Я на принимающем конце цепочки. И всё же – да, я сожалею об их утрате и поэтому считаю своим долгом дать им голос, выразить их надежды и мечты, предоставить им возможность проявить свои таланты. Разве не так мы оказываем своё уважение к тем, кто пришёл до нас?

¹⁵ Концепт-кар (англ. *concept* – идея, *car* – автомобиль) – прототип будущего автомобиля, предназначенный для демонстрации нового стиля, нового дизайна и технологии. Их часто выставляют на автошоу для проверки реакции зрителей, а уже по ней определяется будущее тех или иных решений (взято из вики) .

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.